

КРИСТИАН УНГВАРИ

ОСАДА

БУДАПЕШТА 100 дней Второй мировой войны

Кристиан Унгвари
Осада Будапешта. 100 дней
Второй мировой войны

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6099908

Осада Будапешта. 100 дней Второй мировой войны: Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04597-3

Аннотация

Книга Кристиана Унгвари, признанного специалиста по истории Второй мировой войны, представляет собой детальное, хронологически точное описание боевых действий и перемещений подразделений противников во время осады Будапешта. На основе архивных материалов, включая журналы боевых действий, письма и воспоминания участников тех сражений, автор реконструировал события, произошедшие в эти дни в венгерской столице.

Книга снабжена подробными картами и таблицами, отражающими дислокацию войск противников, а также число погибших в результате осады.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	12
Глава 1	14
ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ ОСЕНЬЮ 1944 Г.	14
ПРОДОЛЖЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ СИЛАМИ 2-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА	24
ВТОРОЕ СОВЕТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА БУДАПЕШТ: ЭРЧИ И ХАТВАН	28
ТРЕТИЙ ЭТАП СРАЖЕНИЯ	36
ДИЛЕММА, СТОЯВШАЯ ПЕРЕД НЕМЕЦКИМ И ВЕНГЕРСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ	40
Глава 2	45
ВЕНГЕРСКАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ: РОЖДЕСТВО 1944 Г. В БУДАПЕШТСКОМ КОТЛЕ	45
ОКРУЖЕНИЕ БУДЫ	53
ОСАЖДАЮЩИЕ И ОСАЖДЕННЫЕ	59
СОВЕТСКИЕ И РУМЫНСКИЕ ВОЙСКА	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Кристиан Унгвари

Осада Будапешта. 100 дней

Второй мировой войны

Предисловие

Значение работы Кристиана Унгвари является по крайней мере двойным. Во-первых, она не знает себе равных с точки зрения военной истории. Ни одно из вполне грамотно составленных описаний военных историков битв под Сталинградом, в Варшаве или Берлине не может даже близко похвастать столь же подробно приведенными деталями и живыми реконструкциями того, где, когда и как перемещались и вели бои отдельные подразделения. Военным историкам следует изучать данный труд глазами ювелиров. То же можно сказать и о жителях Будапешта и том ничтожном количестве людей среди них, кому довелось стать свидетелями осады города 60 лет назад (так поступил и я, историк, обнаруживший в этой великолепной реконструкции множество деталей, неизвестных мне ранее).

Вторая заслуга Кристиана Унгвари, возможно, еще более весомая. Данный труд является не только типичным примером работы военного историка. Он представляет собой реконструкцию тех ужасных и горьких (а иногда и героических) событий с гражданской и политической точек зрения и сопровождается подробнейшим графическим материалом. Перед нами встает драматическая картина осады крупной столицы, в которую невольно оказались втянутыми до одного миллиона местных жителей, умы и само существование которых оказались во власти жесточайшей гражданской войны, то есть для которых осада явилась войной во время войны. И поэтому не только протяженность во времени и сложность тех ужасных (да-да, полных ужаса, трудно подобрать лучшее определение) драматических событий не знают себе равных, в том смысле, что они являются выдающимися даже на фоне всей истории Второй мировой войны.

Эта история с ее множеством сложностей ставит читателя перед расстоянием в тысячи километров и давностью времен, за которые сменилось как минимум два поколения. Поэтому я взялся за написание предисловия к данному научному труду. На сложности предмета исследований я намерен остановиться подробнее.

Один из психологических факторов остается действующим даже в наше время. Возникла любопытная ситуация, которая, насколько мне известно, до сих пор не только не анализировалась, но и совсем не рассматривалась психоисториками. Речь идет о явном нежелании многих гражданских людей говорить о своем ужасном, унижительном опыте времен войны. (Недавно исследования данного феномена провел прекрасный немецкий ученый В. Себальд. Его поразило то, как мало немецких мужчин и женщин говорят о страданиях, причиненных им воздушными рейдами. Это странно, так как им, как и нам, известно о все более нараставшем масштабе бомбардировок немецких городов. Там же рассмотрена довольно распространенная тенденция немцев жалеть себя. Особенно характерным это стало после военного разгрома.) То же психологическое состояние, пусть и не полностью, но в значительной степени, можно отнести и к участникам событий в Будапеште и во всей Венгрии в 1944 и 1945 гг., когда к прочим пережитым мирным населением ужасам войны прибавились деяния советских солдат, изнасиловавших тысячи женщин. Нежелание говорить и пробелы в памяти, возможно, иногда можно объяснить стыдом или страхом. Но в случае с Будапештом, помимо всего этого, было и остается что-то еще. По многим причинам, и не только политическим или психологическим, многие венгры не могли или не хотели заново возвращаться

мыслями к той трагической странице в истории своей страны и своего народа в 1944–1945 гг. И это в городе, где на немногих специально оставленных развалинах и многочисленных зданиях до сих пор сохраняются следы артиллерийского огня, ясно различимые и в наши дни.

Теперь я хотел бы коротко остановиться на обстановке в Венгрии в 1944 г. и последующих днях. Венгры – народ, практически (пусть и не полностью) независимый последние несколько десятков лет существования двойной Австро-Венгерской монархии. После Первой мировой войны по многим причинам, скорее несправедливым, чем правильным, западные державы и их новые «союзники», такие как Чехословакия, Румыния, Югославия, под предлогом сомнительного принципа «национального самоопределения» решили сильно ослабить исторически сложившееся государство Венгрия. По условиям Трианонского договора 1920 г. страна потеряла две трети своей территории, в результате чего более трех миллионов венгров оказались за пределами своего государства. Трианон больнее ударил по Венгрии, чем Версаль по Германии. Все это произошло вскоре после революции в Венгрии в 1918 г., которая в марте 1919 г. вылилась в короткое (до 1 августа) правление режима коммунистов, за которым последовала контрреволюция националистов. Под знаком всех этих трагических событий, революции, поражения и расчленения страны осуществлялась политическая деятельность Венгрии в последующие двадцать лет. Венгрия все еще была «королевством», но лишь номинально. Главой государства был адмирал Миклош Хорти, имевший полномочия регента. За 1920-е гг. Венгрия в какой-то степени восстановилась. В 1930-х гг. снова возник германский рейх под руководством Гитлера, он быстро стал доминирующей державой в Европе, отменяя и разрывая одно за другим положения Версальского договора. Неудивительно то, что в то время в Венгрии многие восхищались Третьим рейхом, в особенности это было характерно для представителей офицерства. Но сам Гитлер не испытывал по отношению к Венгрии особой симпатии. Настроение офицерства объяснялось в основном почти неизбежным союзом Венгрии и Германии, а также тем, что стране с 1938 по 1941 г. удалось вернуть часть ранее утраченных земель.

Но после этого единственным путем Венгрии стало участие в приближавшейся Второй мировой войне. После того как в марте 1938 г. Гитлер аннексировал Австрию, гигантский Третий рейх стал непосредственным соседом Венгрии. Постепенно становилось очевидным (или, по крайней мере, так должно было быть), что главной проблемой Венгерского государства больше не было возвращение потерянных территорий. Речь шла, в той или иной степени, о государственном суверенитете. Но это осталось не замеченным и не признанным ни большинством представителей правящей верхушки, ни большинством населения страны, ни в особенности военными. Последние единодушно стремились подчинить себя и свою страну политической стратегии Германии Адольфа Гитлера (в том числе и потому, что искренне верили в ее непобедимость). Были приняты антиеврейские законы (о чем будет сказано ниже). В ноябре 1940 г. Венгрия присоединилась к так называемому Тройственному пакту, союзу между Германией, Италией и Японией. В апреле 1941 г. Венгрия приняла участие в войне Гитлера против Югославии, за несколько месяцев до которой подписала с Германией пакт «О вечной дружбе». (Премьер-министр консерватор граф Пал Телеки после этого застрелился.) В декабре 1941 г. Великобритания объявила Венгрии войну, а еще через несколько дней Венгрия объявила войну США.

Венгерская армия была направлена в Россию, чтобы воевать там на стороне немцев. Однако в 1942 и 1943 гг. произошел ряд изменений. Немногочисленная патриотически (но не националистически) настроенная прослойка консерваторов и сам регент приняли тайное решение постепенно отойти от тесных обязательств перед Гитлером. Среди них был и новый премьер-министр Миклош Каллай. Предпринимались попытки тайно установить контакты с британскими и американскими официальными представителями. В январе – фев-

рале 1943 г. советские войска нанесли тяжелое поражение 2-й венгерской армии и вынудили ее отступить (2-я венгерская армия была фактически уничтожена, потеряв 135 тыс. человек. – *Ред.*). По молчаливому согласию армады британских и американских самолетов, пролетавшие через территорию Венгрии, не наносили ударов по Венгрии и ее столице Будапешту. (Будапешт лишь однажды подвергся довольно слабому воздушному рейду советской авиации в сентябре 1942 г.) Если не считать трагедии 2-й венгерской армии, Венгрия и Будапешт (в том числе и еврейское население страны) по большей части, пусть и не вполне, не понесли какого-либо заметного ущерба от войны, даже на момент, когда наступающие советские армии уже подходили к территории страны с северо-востока.

Наконец терпение Гитлера лопнуло. 18 марта 1944 г. он вызвал регента к себе. Фюрер приказал Хорти создать максимально прогерманское и пронационал-социалистическое правительство. У регента не было никакой альтернативы, кроме как подчиниться. В Будапешт и другие города вошли немецкие дивизии. Вскоре американская и британская авиация нанесла первый бомбовый удар по венгерской столице. Еврейское население Венгрии стало подвергаться безжалостному преследованию, угнетению и унижению. Выполняя указания немцев, многие представители венгерской военной и гражданской администрации приняли участие в отправке сначала в гетто, а оттуда – в лагеря, в первую очередь Освенцим, около 400 тысяч венгерских евреев. Большинству из них не суждено было пережить войну. Последней партией предполагалось отправить в лагерь примерно 160 тысяч евреев из Будапешта. В конце июня – начале июля Хорти наконец вынырнул из апатии. Подстегиваемый посланиями президента Рузвельта, короля Швеции и папы Пия XII, он отдал распоряжение приостановить депортацию евреев из Будапешта. Еще через семь недель недружественный сосед Венгрии Румыния повернула оружие против Гитлера и примкнула к русским. А еще через месяц первые советские солдаты вошли на территорию Венгрии с юго-запада. 15 октября регент без проведения каких-либо серьезных подготовительных мероприятий объявил, что Венгрия прекращает боевые действия и сдается союзникам. По прошествии всего нескольких часов после этого он был захвачен и арестован немецкими военными. А еще через несколько часов под давлением немцев в Венгрии было создано правительство венгерского национал-социалистического движения «Скрещенные стрелы», в состав которого, помимо откровенных фанатиков, входили и преступные элементы. После этого в Будапеште потянулись месяцы террора, который сразу же сменился осадой города.

Первые советские части подошли к юго-восточной окраине Будапешта 2 ноября, а полностью город был окружен в католическое Рождество. Осада закончилась полным поражением немецких и венгерских войск и их капитуляцией 13 февраля 1945 г. За это время паровой каток войны прошел по большей части территории страны, через горящие города и села, калеча жизнь миллионов людей, иссушая их тела и умы. Мы должны упомянуть и об этом тоже, поскольку битва за Будапешт затронула гражданское население в той же мере (если не больше), как и военных. Это было не только сражение армий, но и битва умов.

Когда началась осада города, его население оказалось трагически и бескомпромиссно разделенным. Сейчас не представляется возможным привести точные данные того разделения. Тогда не проводились общественные опросы (как и выборы после мая 1939 г.). Более того, зачастую разделение и противоречия зачастую царили в умах отдельных людей. Тем не менее на правах историка и свидетеля и участника тех незабываемых месяцев я попытаюсь нарисовать примерное соотношение различных групп разобщенного измученного населения.

По моим оценкам, на момент осады примерно до 15 процентов нееврейского населения Будапешта желали продолжения войны на стороне Германии. К этим людям относились и фанатики из организации «Скрещенные стрелы», и многие другие представители муж-

ской и женской части населения (не обязательно члены этого движения), – все те, кто был убежден, что перспектива прихода в города Красной армии была наихудшим вариантом, и поэтому предпочел сопротивляться такому развитию событий. Еще 15 процентов населения имели прямо противоположные убеждения: союз Венгрии с гитлеровским рейхом означал для страны политическую и моральную катастрофу, и с этим необходимо было тем или иным способом бороться. Движение «Скрещенные стрелы» и его ставленники в правительстве являлись преступниками. И поэтому чем скорее русские оккупируют Будапешт, тем будет лучше. (Среди этого меньшинства коммунисты и симпатизирующие им составляли очень незначительное количество.) Наконец, оставшиеся примерно 70 процентов населения (еще раз прошу считать все эти цифры очень условными, даже спорными в соответствии с правилом большого пальца – очень приблизительного подсчета) были полностью заняты собственными проблемами. Иногда они задумывались над общим ходом событий, иногда – нет. Но по большей части они были озабочены лишь вопросами выживания и нависшей над ними и их семьями угрозой. Эта часть населения не имела ясной идеи того, что будет после осады, в их умах царили путаница и смятение.

За исключением нескольких обобщений, невозможно дать социопсихологическое объяснение этому глубокому, порой фатальному разделению населения на группы. Интересно отметить, что оставшаяся часть венгерской национальной аристократии была настроена в основном антинацистски (то есть по существу эти люди, по крайней мере на какое-то время, были сторонниками русских). И это несмотря на то, что этот класс ждали самые большие потери с приходом русских и коммунистического правления, а значит, он, казалось бы, должен был больше всего его бояться. В то же время в рабочей среде были широко распространены пронемецкие и социал-националистические настроения и даже убеждения. (То же самое можно сказать и о сторонниках теории Маркса и прочих.) Так называемые христианские (в те времена это обозначало, что такие люди не принадлежат к евреям и социалистам) представители среднего класса также делились на те же группы и приблизительно в тех же пропорциях 15:70:15. То же касается и разделения людей, отличавшихся отношением к религии: верующих и неверующих; священников и паствы. И остальных общественных групп: учителей, судей, адвокатов, гражданских служащих, торговцев, полицейских и т. д. Во время осады взгляды некоторой части представителей внутри различных общественных групп неизбежно должны были кардинально измениться в связи со страшными испытаниями, через которые этим людям пришлось пройти.

То же самое относится и к памяти людей. Как я уже писал выше, слишком многие предпочли совсем подавить ее, нежели попытаться все осмыслить заново и восстановить в уме цепочку событий.

К одному из сложных моментов до настоящих дней, когда нас от тех событий отделяют шестьдесят лет, все еще относится вопрос о еврейском населении Будапешта тех лет и его отношениях с другими группами населения. Условия сложились так причудливо, что (в отличие от науки в истории зачастую на передний план выходят именно исключения, а не правила), когда в конце 1944 г. началась битва за Будапешт, еврейское население города представляло собой самую большую группу выживших евреев в гитлеровской Европе, то есть фактически во всей Европе. К ним применялись законы дискриминации, их преследовали и угнетали. Многие успели погибнуть, но большинство все же было все еще живо. И конечно, они испытывали сильнейший страх за свою жизнь и ждали «освобождения», кто бы ни принес им его.

Самые смертельные и резкие противоречия между и внутри отдельных групп населения Будапешта зачастую были связаны с тем, как эти люди относились (физически или морально) к своим еврейским соседям. Сами евреи тоже были неоднородны по составу и

делились на множество подгрупп. С одной стороны, было (и остается в наши дни) невозможно оценить их точную численность. В основном это связано с большим количеством смешанных браков между евреями и христианами, а также с наличием значительного количества евреев, исповедовавших христианскую веру. Можно сказать, что вплоть до начала Второй мировой войны быстрыми темпами шел процесс ассимиляции еврейского населения, его растворения в венгерском народе. Но царивший в то время антисемитизм носил не религиозный, а расовый характер. Преследованиям и нападкам подвергались уже ассимилировавшиеся, богатые и успешные представители еврейской части населения Венгрии. И венгерский антисемитизм, случаи проявления которого были единичными до Первой мировой войны, получил огромный толчок в форме национальной реакции на короткое время правления коммунистического режима в 1919 г., когда две трети комиссаров были евреями. Результатом явился и антисемитизм режима Хорти, ставший официальной государственной политикой, антиеврейские законы и ограничения, принятые в 1938–1941 гг., иногда отнюдь не как реакция на требования немецкой стороны, хотя были и такие случаи. Двадцать пять лет антиеврейского воспитания и пропаганды оказали влияние на многих. А теперь судьба евреев висела на ниточке, вернее, на нескольких быстро рвущихся хрупких нитях.

У власти в Будапеште теперь стояло «правительство» фанатиков-юдофобов из движения «Скрещенные стрелы». Но на дворе стоял ноябрь 1944 г. Все еще могли отдаваться распоряжения о депортации, отправке транспортом в Освенцим. Но транспорта не было. Представители «Скрещенных стрел» по требованию немецких властей (тотчас после 15 октября на территории Венгрии объявился Эйхман со своими подручными) сразу же распорядились, чтобы евреи, независимо от пола и возраста, были отправлены пешком на запад, в сторону границы с Австрией и Германией. Но формирование большинства таких пеших конвоев вскоре было приостановлено, так как выполнение этого указания оказалось невозможным. К началу декабря, фактическому времени начала осады Будапешта, положение евреев в столице было следующим. 1) Распоряжением правительства было создано гетто в наиболее плотно заселенных еврейским населением кварталах города, куда была вынуждена переселиться большая часть еврейского населения. Никому не разрешалось проникать на его территорию через высокие деревянные заборы. В гетто жили примерно 72 тысячи евреев. Большинству из них удалось пережить осаду города. 16–17 января первые советские части вошли в эту часть города. 2) Еще примерно 25–30 тысяч евреев селились в разбросанных в других частях города многоквартирных домах. Эти «еврейские» здания (с апреля 1944 г. они были отмечены большой желтой звездой на входе) по капризному стечению обстоятельств пользовались чем-то вроде статуса «международной защиты». Шведское правительство (и храбрый Рауль Валленберг, находившийся в Будапеште во время осады), представительства Швейцарии, Португалии, Испании и Ватикана провозгласили, что временно венгерские евреи, проживавшие в этих домах, находятся под их защитой. Ради того, чтобы продолжать поддерживать дипломатические отношения с оставшимися немногими государствами, министерство иностранных дел правительства «Скрещенных стрел» пошло на это. Но преступное сообщество не согласилось с таким решением. Было зафиксировано много случаев, банды нападали на дома, где в обстановке общей скученности ютилось множество еврейских семей. Они выгоняли евреев на холодные улицы и вели их к нижним причалам на Дунай, где убивали, а тела бросали в ледяную воду. И все же большинство евреев в домах, находившихся под «международной защитой», также сумели пережить осаду. (В дальнейшем их храбрый защитник Валленберг исчез.) Сумели выжить и примерно 50 тысяч евреев, которых, зачастую с фальшивыми документами, прятали неевреи – соседи, друзья, знакомые в монастырях, домах священников, церквях и других религиозных учреждениях вплоть до окончания осады. А теперь подведем небольшой итог нашему наблюдению: внутри битвы за Будапешт, боев, побед и поражений советской и немецкой армий, внутри гражданской войны, затро-

нувшей и поделившей население города, среди всех тех, кто надеялся, что в результате окончания осады им принесет освобождение либо возвращение немецких войск, либо наступление Красной армии, происходила еще и смертельная борьба, часто в умах мужчин и женщин города, между теми, кому была безразлична судьба евреев Будапешта, и теми, кому нет. Только это делает историю битвы за Будапешт настолько сложной, что она выделяется этим среди всех остальных глав общей истории Второй мировой войны и еврейского холокоста.

Но исход битвы за Будапешт определяло не его население, и даже не те массы солдат, что сталкивались и сражались на улицах города. Многие решали главные хозяева воюющих армий, Сталин и Гитлер.

В августе 1944 г. советские армии вышли к пригородам Варшавы. Но после этого Сталин остановил дальнейшее наступление на запад. Он принял решение продвигаться на Балканы, в Румынию, Болгарию, Сербию, а затем и в Венгрию. Этот ход был логичен не только с точки зрения стратегии и географии, но и с политической точки зрения. Немцы уже собирались уходить из Юго-Восточной Европы (но не из Венгрии). Сюда нельзя было допускать британские или американские войска, которые сразу же помогли бы заполнить военный и политический вакуум. Черчилль знал это. Это было одной из двух главных причин (второй была судьба Польши), что заставили его в октябре 1944 г. вылететь в Москву для того, чтобы постараться достичь соглашения со Сталиным. Так и получилось. В рамках соглашения (как тогда казалось, лишь временного), регулировавшего англо-американскую и советскую зоны влияния на Балканах и в Венгрии, Сталин согласился оставить Великобританию Грецию. В отношении Венгрии первоначально Сталин согласился с Черчиллем поделить страну пополам, но через несколько дней по настоянию Молотова Иден согласился, что советская доля должна вырасти до 75 процентов. К тому моменту русские уже успели захватить значительные территории на юге и востоке страны и теперь уверенно продвигались к Будапешту. (Здесь сказала еще одна причина, по которой Черчилль одобрил эту поправку: неудачная попытка Венгрии заключить перемирие именно в тот момент, когда Черчилль находился в Москве.) В конце октября Сталин вызвал маршала Р.Я. Малиновского, командующего одним из двух советских фронтов, действовавших на территории Венгрии, и приказал ему как можно скорее занять столицу страны. Через несколько дней передовые части советских войск вышли к окраинам города. Но в тот момент маршал Малиновский не имел возможности войти в город и захватить его. Настоящая осада венгерской столицы началась не ранее чем в рождественские дни, когда другой советский фронт под командованием маршала Ф.И. Толбухина завершил окружение города с юго-запада. Здесь мне придется отметить небольшое, почти незаметное расхождение во мнениях с моим блестящим коллегой Унгвари. Разумеется, Сталин хотел, чтобы наступление на запад осуществлялось как можно более высокими темпами. Но я не думаю, что в то время это было его главной заботой. Конечно, он был разочарован задержкой в захвате Будапешта, долгой осадой. Но пусть он и был раздосадован этим обстоятельством, оно его не слишком огорчало. Одним из косвенных доказательств этого являются относительно низкие темпы захвата Будапешта советскими войсками. Ибо тогда русские наступали очень осторожно. А это значит, что при любом развитии событий Сталин хотел, чтобы Венгрия и Будапешт оказались под его контролем. И его подчиненные представляли себе это вполне отчетливо. Одним из примеров их политической воли является то, что они арестовали Рауля Валленберга и переправили его в Москву уже на следующий день после того, как был занят Пешт.

Цели Гитлера, возможно, заслуживают еще более пристального внимания. Его общие стремления были понятны. Они заключались в том, чтобы остановить и как можно дольше задержать наступление советских войск на Вену. Если в результате будет разрушен Будапешт, что ж, пусть будет так. И в этом ему удалось преуспеть: осада Будапешта стоила совет-

ской стороне многих солдат и значительного времени. Она продолжалась довольно долго. Именно поэтому Гитлер запретил идти на прорыв гарнизону Буда даже тогда, когда две деблокирующие группировки немецких войск были уже у самого города и когда такой прорыв, возможно, мог бы увенчаться успехом. Пусть Будапешт (или хотя бы Буда), считал фюрер, будет подобен шипу в теле русских, мешая их наступлению на Вену. И еще примечательным является тот факт, что самый крупный контрудар в Западной Венгрии немцы нанесли уже после того, как Будапешт пал. После нескольких успешных прорывов последнее немецкое наступление на Восточном фронте и даже во всей войне тоже провалилось. Но его значение состоит в том, что оно помогает нам понять логику Гитлера. Его главная (и единственная) надежда, как мы сейчас знаем, состояла в том, чтобы рассорить между собой противников. Достичь этого политическими или дипломатическими шагами оказалось невозможно. Но может быть, этого можно было добиться, одержав неожиданно крупную победу на поле боя на том или ином фронте. Именно это, а не что-то вроде отвоевания Парижа заставило Гитлера пойти на наступление в Арденнах (Битва на выстуpe); в этом состояла отчаянная попытка нанести сокрушительное поражение русским в Западной Венгрии в марте 1945 г. И если даже цели не были достигнуты, они помогли задержать наступление победоносных армий его противников.

Здесь я хотел бы добавить нечто, о чем очень редко вспоминают историки. Речь идет о тайном поощрении Гитлером попыток некоторых его приспешников создать трения в отношениях между англоамериканцами и русскими. В 1944 г. было сделано много подобных попыток. В случае с Будапештом можно привести по крайней мере два подобных примера. Первый относится к Раулю Валленбергу, который, не будучи даже шведским дипломатом, движимый лишь своими убеждениями гуманиста и стремлением помочь представителям еврейских и американских организаций, отправился в Будапешт. Немцы разрешили ему прийти в город и остаться в нем и обращались с ним иногда как с полномочным представителем западных союзников (что во многих случаях соответствовало действительности). Они поступали так в силу ряда причин, в том числе и стремления поссорить между собой американцев и русских. Советская сторона знала об этом (немцы сделали все, чтобы эта информация была доведена до русских), и это послужило причиной немедленного ареста Валленберга и отправки его в Москву. Другим важным примером были инструкции Генриха Гиммлера, который недвусмысленно запретил разрушать будапештское гетто и убивать его обитателей. (Кстати: за два дня до того, как наступающие советские войска вышли к гетто, некоторые подразделения СС и боевики движения нилашистов планировали захватить его территорию и уничтожить всех жителей. Немецкий генерал остановил выполнение этого плана, пригрозив его непосредственным вдохновителям арестом.) Есть все основания полагать, что директивы Гиммлера были составлены не в противовес пожеланиям Гитлера.

Осада Будапешта закончилась 13 февраля 1945 г., через день после завершения работы Ялтинской конференции. В Ялте ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Сталин и словом не обмолвились о Будапеште и Венгрии, которые целиком попадали под контроль русских. Шестьдесят лет спустя, в 2004 г., в некоторых периодических изданиях и на демонстрациях с участием сотен представителей венгерских правых организаций превозносился героизм последних защитников Буда. Остальные в Будапеште помнят эту дату (если вообще помнят о ней) как день своего «освобождения». Да, все совсем не просто в истории битвы за Будапешт, как нет ничего простого в историях и воспоминаниях людей того времени.

Джон Лукач

Пролог

Осада Будапешта является одним из самых длительных и кровопролитных городских сражений в истории Второй мировой войны. С 3 ноября 1944 г., дня, когда на окраинах венгерской столицы появились первые советские танки, и до захвата 13 февраля 1945 г. замковой горы, где располагается Будапештская крепость, прошло 102 дня (бои в самом городе начались 24 декабря и продолжались 51 день). Для сравнения: Берлин пал за две недели, Вена – за пять дней, а в Париже и других европейских столицах, за исключением Варшавы, боев не было совсем (кое-где были, но недолгие, например в Бухаресте. – *Ред.*). Прочие немецкие так называемые «крепости», например Кенигсберг и Бреслау, сопротивлялись гораздо меньше по времени, соответственно 77 и 82 дня.

Географически разделенный на две части, Будапешт (точнее, та часть города, которая называется Буда) осаждался довольно часто. За более чем тысячу лет существования города можно привести примеры полутора десятков осад разной интенсивности. Но опустошение, которым закончилась битва за город во время Второй мировой войны, по своим последствиям не знает себе равных. Битву за Будапешт по ожесточенности можно сравнивать лишь со сражениями за Ленинград, Сталинград и Варшаву.

Блокада Ленинграда продолжалась почти три года, но в городе не было уличных боев. Территория Сталинграда была полем боя в течение четырех месяцев, но большую часть населения города удалось эвакуировать. Помимо солдат немецкой, венгерской и советской армий, в боях в осажденном Будапеште участвовало примерно 800 тысяч бойцов нерегулярных вооруженных формирований – некомпатантов. Бои были настолько яростными, что в письмах и воспоминаниях их участников они нередко сравниваются с боями в Сталинграде.

Подавляющее большинство жителей города не было эвакуировано. Погибли примерно 38 тысяч лиц из числа гражданского населения, примерно столько, сколько потеряли венгерская и немецкая армии. То есть каждый второй погибший со стороны обороняющихся был гражданским лицом. Потери наступающей Красной армии были примерно того же порядка и составили около 160 тысяч человек, из них четверть убитыми, остальные ранеными.

Сохранилось очень мало архивных материалов, посвященных битве за Будапешт, на немецком, венгерском или русском языке. Многие записи, сделанные в то время солдатами, были утеряны или уничтожены. Одним из немногих сохранившихся документов, дошедших до нас с тех дней, является журнал боевых действий венгерской 10-й пехотной дивизии. По приказу начальника штаба дивизии Дьёзё Бениовски он был закопан в одном из дворов города Буда, где пролежал более сорока лет, прежде чем попасть в архив Музея военной истории в 1986 г. Начиная с середины 80-х гг. в архив стали также поступать все более многочисленные мемуары участников тех боев, но в те времена подобные документы из политических соображений было принято откладывать в самые глубокие запасники.

Долгое время все публикации, посвященные той битве, были подчинены целям пропаганды. Первым случаем публикации версии, расходившейся с академической версией трактовки событий, было произведение Шандора Тота *Budapest felszabaditasa*, опубликованное в 1975 г. Но Тот имел лишь ограниченный доступ к советским источникам и совсем не имел доступа к немецким архивам. К тому же его работа была лишь отчасти связана с тем, что в те дни происходило в столице Венгрии. Из 279 страниц текста лишь на шестидесяти двух говорится о боях в городе. Остальная часть книги посвящалась политическим вопросам, в первую очередь необходимости политической разрядки. И это совсем не случайно, что Тот, как и многие непосредственные участники тех событий, был обязан не слишком углубляться в детали. Проживавший в Берне Петер Гостони сумел провести исследования и опубликовать ценнейшие материалы на немецком и венгерском языках, датированные 1960-ми

гг. Политическое давление на историков прекратилось в 1989 г., но, несмотря на растущий интерес к военным событиям недавнего прошлого, в последующие годы так и не было проведено всеобъемлющего исследования битвы за Будапешт. Единственным исключением может послужить сборник материалов, опубликованных по результатам конференции, проведенной в Институте военной истории в Будапеште в 1994 г.

Моей целью в данном исследовании было на основе всех имеющихся в моем распоряжении источников попытаться провести реконструкцию тех событий, произошедших в ходе одного из самых кровопролитных городских сражений Второй мировой войны. Из-за скудности официальной документации мне приходилось зачастую полагаться на воспоминания участников тех событий. В любом случае коммунистическое, не важно, было ли оно подготовлено в офисе или на командном пункте, не могло бы передать реальных ужасов той блокады. Поэтому в моем исследовании огромное внимание я уделял работе с теми, кто мог поделиться своими личными впечатлениями.

Я пытался получить информацию у тех, кто выжил, как с немецкой, так и с венгерской стороны. Но, несмотря на то что немецким солдатам пришлось вынести на себе основную тяжесть боев, их относительно малое количество воспоминаний зачастую были неточными вследствие недостаточных знаний местных реалий. Советские солдаты еще меньше были склонны к тому, чтобы делиться своими воспоминаниями. Поэтому мне пришлось рисовать картину конкретных боев на основе того, что удалось узнать из венгерских источников.

В наши дни значительно вырос интерес к битве за Будапешт как в Венгрии, так и в Германии. Данная книга успела выдержать четыре венгерских, три немецких и одно английское издание. Ко мне все еще обращаются те, кто сумел выжить в те страшные дни, чтобы поделиться очень ценной информацией. Мне удалось также организовать чрезвычайно интересные выставки с использованием предоставленных ими материалов в Будапеште и Берлине.

Впервые данное исследование я выполнил как докторскую диссертацию в Университете имени Этвоша Лорана в Будапеште. Те трагические, зачастую откровенно преступные страницы до сих пор вызывают у людей болезненные воспоминания, отчего даже сегодня было особенно сложно правильно описать их. Поэтому я очень хотел бы поблагодарить всех тех, кто помог мне в работе над данным исследованием, предоставив ценнейший дополнительный материал, техническую информацию и свои комментарии. Особенную благодарность хотелось бы выразить профессору Ладиславу Лёбу, взявшему на себя перевод на английский язык, который помог мне подготовить данную книгу в пределах, далеко превосходящих обычный перевод текста, и который также помогал мне исправлять найденные в ней неточности.

Глава 1 ПРЕЛЮДИЯ

ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ ОСЕНЬЮ 1944 Г.

В результате ряда последовательно нанесенных немецкой стороне поражений на Восточном фронте Италия, Румыния и Венгрия стали все больше и больше тяготиться ролью союзников Германии. Во всех трех странах набирали силу политические сторонники, требовавшие разорвать союзнические обязательства по отношению к Германии. Когда в начале 1944 г. линия фронта стала приближаться к Венгрии, немецкий вермахт оккупировал территорию страны, чтобы не дать ей последовать примеру Италии и не допустить переговоров с союзниками о прекращении огня. Поскольку запланированная немецким руководством оккупация Румынии провалилась, Румыния сумела обмануть бывших союзников и перейти на сторону Советского Союза. 23 августа 1944 г. король Михай сверг премьер-министра Румынии Йона Антонеску, и Румыния разорвала дипломатические отношения с Германией. Германский фронт в Восточной Румынии сразу же рухнул, и после того, как были разгромлены целые участки обороны на фронте группы армий «Южная Украина», войска 2-го Украинского фронта, почти не встречая сопротивления, прошли всю территорию Румынии и 25 августа вышли на границу с Венгерской Трансильванией. В начале октября они продвинулись до южных окраин Большой Венгерской равнины (Среднедунайская низменность. – *Ред.*). 6 октября они начали общее наступление с целью совместно с войсками 4-го Украинского фронта, наносившими удар с Карпат, окружить немецко-венгерскую группировку (около 200 тыс. человек. – *Ред.*) в Трансильвании. Немецкие 31 дивизия (32 дивизии, в том числе 3 дивизии группы армий «Ф» и 5 бригад. – *Ред.*) с 293 танками и штурмовыми орудиями противостояли 59 советским дивизиям (при поддержке 825 (750). – *Ред.*) танков и самоходных артиллерийских установок) 2-го Украинского фронта. Соотношение войск было соответственно 400 тысяч против 698 тысяч солдат и офицеров.

На 160-километровом фронте между Мако и Надьварадом (Орадя. – *Ред.*) на север рвались два танковых и два механизированных советских корпуса, имевших в своем составе 627 танков, и 22 пехотные и кавалерийские дивизии. Им противостояли 70 танков и 8 дивизий 3-й венгерской армии. Фронт обороны венгерских войск, где полностью отсутствовали (были в недостаточном количестве. – *Ред.*) противотанковые средства, вскоре оказался разорванным в клочья, а советские войска получили приказ продолжать наступление в направлении на Дебрецен. В то же время немцы также занимались сосредоточением своих сил в этом районе в рамках операции *Zigeunerbaron* («Цыганский барон»). Ее целью было разгромить на Большой Венгерской равнине войска 2-го Украинского фронта, после чего, развернувшись на юг и на восток, захватить перевалы в Карпатских горах, создав там удобные оборонительные рубежи. С 10 по 14 октября состоялось танковое сражение при Дебрецене. Против 11 немецких и венгерских дивизий, имевших в своем составе (первоначально. – *Ред.*) 227 танков и штурмовых орудий, советская сторона сумела выставить втрое превосходившие их силы – 39 дивизий, 773 танка и САУ.

Несмотря на успешный для советской стороны исход сражения при Дебрецене, которое 20 декабря закончилось захватом города, им не удалось полностью выполнить боевую задачу по окружению развернутых в Трансильвании и Карпатах 8-й немецкой, а также 1-й и 2-й венгерской армий. Кроме того, 4-й Украинский фронт под командованием генерал-май-

ора И.Е. Петрова, который должен был замкнуть кольцо окружения с севера, продвигался вперед очень медленно. В результате немецкой группе армий «Юг» удалось отвести свои войска из предполагаемого котла. После того как 15 октября провалилась попытка регента Миклоша Хорти разорвать отношения с Германией и заключить сепаратный мир с Советским Союзом, немецкие танковые части, развернутые на тот момент в приграничных районах Венгрии, были переброшены на основную линию фронта, значительно укрепив ее. К 20 октября немецкая сторона потеряла всего 133 танка, в то время как потери советских войск составляли до 500 машин, более 70 процентов имевшихся в составе частей на этом участке. В конце октября немецкие танковые дивизии сумели окружить механизированные и кавалерийские части группы И.А. Плиева в районе Ньиредьхаза, и советским войскам удалось прорваться из кольца лишь с очень тяжелыми потерями. Даже почти в конце войны вермахт представлял собой грозную силу: за каждый уничтоженный немецкий танк советским танкистам приходилось расплачиваться четырьмя своими машинами. Если бы советское наступление было подготовлено более тщательно, потери советской стороны могли бы быть гораздо меньшими. (По советским данным, в ходе Дебреценской операции 6–28 октября было разгромлено 10 дивизий противника. В плен было взято более 42 тыс. солдат и офицеров, убито от 80 до 100 тыс. Советские войска (2-й Украинский фронт) с 6 по 28 октября потеряли 19 213 человек убитыми и пропавшими без вести и 64 297 человек ранеными. – *Ред.*)

После оккупации Венгрии Гитлер назначил главным представителем в этой стране Эдмунда Веезенмайера. Несмотря на то что он должен был учитывать и интересы СС, именно Веезенмайер был лицом, определявшим венгерскую политику тех дней. Еще до начала осады Будапешта он заявил, что будет не важно, даже если город «уничтожат десять раз, лишь бы была обеспечена оборона Вены».

Между городами Байя на юге и Сольнок на востоке на тот момент были развернуты лишь семь сильно потрепанных дивизий из состава 3-й венгерской армии и 20 танков немецкой 24-й танковой дивизии. Им противостояла советская 46-я армия. Большую часть боевых частей немцы перебросили для участия в танковом сражении у Дебрецена. Расстояние от позиций советских войск до Будапешта составляло примерно 100 км. Однако наступление советской стороны было бы рискованным, так как немецкие танковые части можно было легко перебросить обратно для обороны города, а у русских к тому моменту больше не оставалось достаточно бронированной техники для ведения успешных наступательных действий.

Пока советская сторона продолжала наступать на территории Венгрии в районе по ту сторону реки Тиса и в южной части Венгерской равнины, на западе страны к власти в Венгрии пришло правительство партии нилашистов с эмблемой «Скрещенные стрелы», свергнувшее страну в обстановку всеобщего террора.

Партия нилашистов вела свое начало с середины 1930-х гг. В то время в стране возник ряд ультраправых группировок. Их появлению способствовала и обстановка всеобщего разочарования, охватившая население после правления коммунистической республики в 1919 г. Этому способствовали и сохранившиеся пережитки феодальной структуры правления и сильные антиеврейские традиции в венгерском обществе. Вождем партии стал Ференц Салаши, бывший майор Генерального штаба. Результаты 1938 г. продемонстрировали, что партия пользовалась большой популярностью в рабочих районах, где набрала до 20 процентов голосов. В своей программе партия обещала провести земельную реформу, социальные реформы в интересах рабочих и крестьян, полностью избавить страну от еврейского влияния, для чего планировалось провести депортацию всех евреев из Венгрии. Предполагалось, что в дальнейшем на базе Венгрии будет создано федеративное государство под названием Хунгаристское Карпатско-Дунайское Великое Объединение Земель, куда войдут Венгрия,

Словакия, Воеводина, Бургенланд, Хорватия, Далмация, Рутения, а также Трансильвания и Босния. От национал-социализма движение переняло идею о фюрере и жизненном пространстве: народ должен безоговорочно следовать воле вождя и вести борьбу за завоевание новых земель для растущего населения.

Несмотря на то что в реальности участь Будапешта была заранее предрешена военной политикой Германии, согласно лозунгам членов партии «Скрещенные стрелы», весь венгерский народ должен был подняться на борьбу против насилия, грабежей и отправки в Сибирь, которые обязательно принесет с собой приближающаяся к городу советская армия. Преследуемые евреи видели в советских солдатах своих освободителей. В то же время оставшаяся часть населения испытывала плохие предчувствия. Относительное внешнее спокойствие в столице иногда нарушалось. Это происходило, например, при депортации евреев в лагеря или в гетто, при появлении колонн беженцев, покидавших свои дома и отправлявшихся на запад, а также после опубликования данных о выполнении приказа об эвакуации с [востока] Венгерской равнины (Альфельда). «Теперь мы должны быть готовы к тому, чтобы однажды и впредь стать осажденным городом, – писал в своем дневнике ученый-лингвист Миклош Коваловски, после того как он же описал увиденную им сцену в пригороде Кишпешт, – пожилая женщина со слезами на глазах рассказывала об эвакуации из Кечкемета. Они смогли взять с собой лишь немного одежды и продуктов. При этом у них не хватило времени на то, чтобы забрать с фермы трех свиней. Жители всего города превратились в нищих. А что будет, если им придется эвакуироваться дальше?»

Разделение Восточной Европы

Пока пылало танковое сражение при Дебрецене между войсками 2-го Украинского фронта и немецкой группой армий «Юг», в Москве произошел ряд событий, оказавшихся решающими для Будапешта. С 8 по 18 октября 1944 г. на переговорах с советским руководством в столице страны находился премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Основной темой были британские и советские интересы в будущей Восточной Европе. Черчилль открыто предложил советскому премьеру Иосифу Сталину поделить всю эту территорию на «сферы интересов». По воспоминаниям очевидцев, он был уже изрядно навеселе, когда небрежно набрасывал на листе бумаги названия стран, делая рядом пометки с указанием соответствующих процентов, на которые делилась советская доля и доля «остальных», а именно западных союзников:

Румыния 90 % – 10 %;
Болгария 75 % – 25 %;
Венгрия 50 % – 50 %;
Югославия 50 % – 50 %;
Греция 10 % – 90 %.

Сталин не колеблясь вносил свои ремарки в документ. У него уже был большой опыт того, как делятся «сферы интересов», – ведь в 1939 г. ему уже пришлось заключать подобное соглашение, правда, тогда делиться приходилось с нацистской Германией. В один из моментов просветления Черчилль вдруг забеспокоился, в достаточно ли рыцарской манере решается такая значительная проблема: «Не покажется ли слишком циничным то, что судьбы миллионов людей мы определяем вот так бесцеремонно? Давайте порвем эту бумагу». Но Сталин спокойно ответил на это: «Нет, давайте сохраним все как есть».

Однако вероломный диктатор уже думал над тем, как нарушить это соглашение. Ранее британский премьер-министр выдвигал идею наступления войск западных союзников через Люблян, но Сталин всякий раз отвергал этот план, поскольку опасался, что продвижение

англо-американских войск сделает невозможной большевизацию этой области. Когда Черчилль в очередной раз высказался за наступление через Балканы, реакция Сталина была стандартной. На самом деле присутствие британских и американских войск в Венгрии и Югославии никак не могло угрожать его «интересам безопасности», поскольку он пообещал здесь союзникам 50-процентную долю, а 14 октября 1944 г. советские войска заняли Белград, и все шло к тому, что в течение последующих нескольких недель они оккупируют всю территорию между Дунаем и Тисой. И если Сталин, несмотря ни на что, пытался опередить союзников даже в Австрии и Баварии, которые никогда не должны были войти в советскую «зону интересов», то причина, скорее всего, заключалась в том, что он не собирался держать слово.

Советский диктатор интерпретировал термин «интересы безопасности» слишком широко. Здесь стоит сравнить требования, выставленные советской стороной по поводу так называемых «интересов безопасности» перед соседями соответственно в 1939–1940 гг. и в 1944 г. Выдвинутая Сталиным в 1944 г. программа-минимум была практически идентична тому, что он требовал от Гитлера через Молотова: расширение советской «зоны интересов» на территории Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, проливы между Средиземным и Черным морями. К 1944 г. к этому списку добавились Югославия и Албания, и за исключением этих двух последних пунктов программа Сталина была поразительно схожей с тем, что Карл Маркс столетием раньше называл «естественными границами» России. Ради этой программы-минимум Сталин был готов пойти на значительный риск с военной точки зрения. Овладение Будапештом было для него необходимым не только с точки зрения гонки с английскими и американскими союзниками, но и потому, что, с его точки зрения, настал подходящий момент для большевизации Венгрии: «Освобождение столицы от немецко-фашистского ига должно ускорить... создание демократического правительства... и оказать благоприятное воздействие на некоторые колеблющиеся элементы, представляющие буржуазные партии и группировки». Империалистические устремления Советского Союза подтверждались тем важным значением, которое придавалось «гонке», которую вели Советы, с одной стороны, и британское и американское руководство – с другой. Совершенная по инициативе Черчилля операция по высадке союзников на Адриатике (имеется в виду высадка английских войск в Греции в октябре – ноябре 1944 г., то есть в Эгейском и Ионическом морях. – *Ред.*) была единственной подобной операцией войск Западного альянса, однако, в отличие от Сталина, Черчилль не вынашивал планов смены политического режима путем революции (английские войска просто подавили левые силы в Греции (ЭАМ – ЭЛАС). – *Ред.*). Стимулом здесь были всего лишь обещанные «проценты». Для Соединенных Штатов тогда вопрос о политическом контроле над Западной Европой тогда еще не стоял, это произошло гораздо позже. Задержки в наступлении союзников после высадки в Нормандии 6 июня и полное отсутствие активности их войск в период с октября 1944 по март 1945 г. также указывают на то, что британский и американский Генеральный штаб не считал своей стратегической задачей опередить Советский Союз.

Планы сторон и подготовка

После отъезда делегации союзников Сталин, очевидно размышляя в уме над своими «интересами безопасности», запросил Генеральный штаб, реальна ли перспектива немедленно захватить Будапешт. Чуть раньше он получил доклад своего бывшего секретаря, а ныне политического представителя при командующем 4-м Украинским фронтом Л.З. Мехлиса. Мехлис, чьи излишне оптимистические донесения уже несколько раз успели послужить причиной военной катастрофы, в том числе злосчастной Крымской операции 1942 г., докладывал Сталину: «Части венгерской 1-й армии, противостоящей нашему фронту, демо-

рализованы и находятся на грани разложения. Каждый день наши войска захватывают в плен от одной до двух тысяч солдат и офицеров противника, а иногда даже больше... Солдаты противника небольшими группами скрываются в лесах, некоторые вооружены, другие без оружия, а многие – даже в гражданской одежде».

Что касается вопроса Сталина о немедленном захвате Будапешта, то первый заместитель начальника Генерального штаба Красной армии (с мая 1943 г. начальник Оперативного управления Генштаба) генерал армии (с 1968 г.) С.М. Штеменко позже писал в воспоминаниях: «Без каких-либо опасений мы дали ответ, что целесообразнее всего было бы атаковать венгерские позиции, которые должны были быть взяты левым крылом 2-го Украинского фронта. В данном случае нам не приходилось бы форсировать реку, к тому же на данном участке враг сосредоточил меньше сил, нежели в других местах». И Сталин отдал приказ о немедленном начале наступления, несмотря на предостережения начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии А.И. Антонова, который пытался объяснить, что доклад Л.З. Мехлиса имеет отношение лишь к войскам 1-й венгерской армии, но не к обстановке в целом. В 10 часов утра 28 октября 1944 г. между Сталиным и командующим 2-м Украинским фронтом состоялся следующий телефонный разговор.

Сталин. Надо как можно скорее в течение нескольких последующих дней захватить Будапешт, столицу Венгрии. Это надо непременно сделать. В состоянии ли вы провести эту операцию?

Малиновский. Это задание можно было бы выполнить за пять дней, но при условии, что будет подтянут 4-й механизированный гвардейский корпус 46-й армии...

Сталин. Ставка не может дать вам этих пяти дней. Поймите же, наконец, что мы должны захватить Будапешт как можно скорее из политических соображений.

Малиновский. Я прекрасно понимаю, что скорейшее взятие Будапешта является безотлагательным как раз по политическим причинам. Но мы сможем рассчитывать на успех, если только в операции будут принимать силы 4-го гвардейского корпуса.

Сталин. Ни при каких условиях мы не можем согласиться с отсрочкой наступления... Наступление на Будапешт должно начаться безотлагательно.

Малиновский. Если вы дадите мне пять дней, то в последующие пять дней я возьму Будапешт. Если же мы предпримем штурм безотлагательно, то 46-я армия, в силу недостаточности сил, не сможет нанести стремительный удар, а в итоге увязнет в продолжительных боях на подступах к венгерской столице. Иными словами говоря: она будет не в состоянии взять Будапешт.

Сталин. Почему вы так упрямо отстаиваете свою позицию? Очевидно, вы не полностью понимаете политическую значимость немедленного военного наступления на Будапешт.

Малиновский. Я осознаю, какое большое политическое значение имеет взятие Будапешта. И именно по этой причине я прошу пять дней.

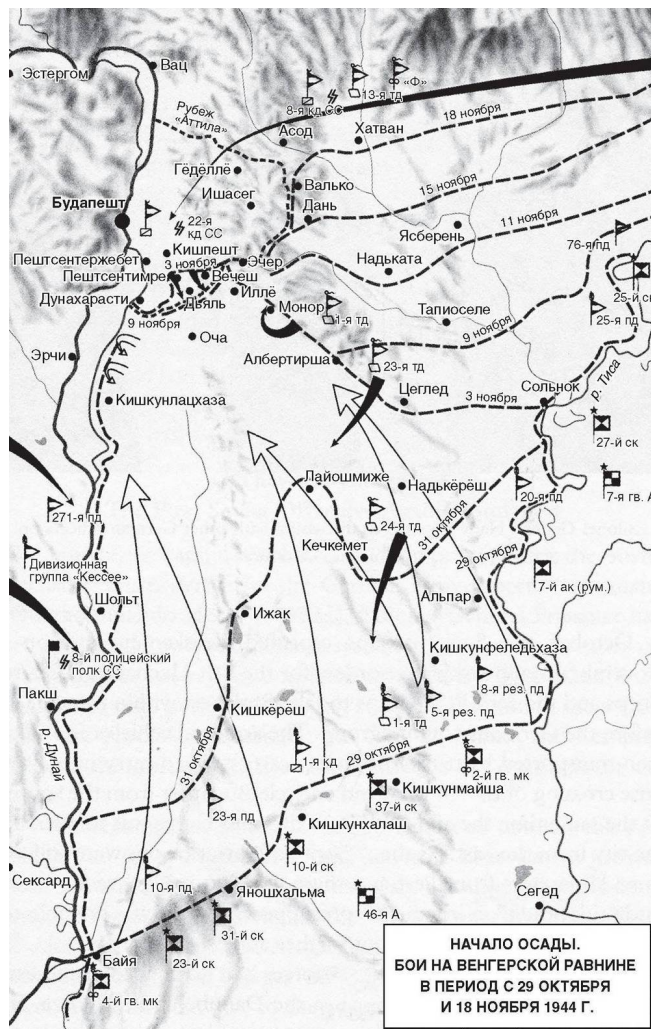
Сталин. Настоящим я приказываю вам завтра же начать наступление на Будапешт.

Не дав ничего больше сказать в ответ, Сталин прервал разговор и положил трубку.

Специалисты расходятся в оценках того, было ли решение, принятое Сталиным, верным. Когда был отдан приказ о наступлении, 23-й стрелковый корпус, который должен был стать резервом фронта, все еще находился в пути. Еще один (4-й) механизированный корпус Р.Я. Малиновский так и не получил: он прибыл только на следующий день. А 4-й Украинский фронт, который также должен был принимать участие в окружении Будапешта, не сумел вовремя выйти на Венгерскую равнину.

Уже 26 октября немецкое командование, осознав угрозу советского наступления, начало перегруппировку своих сил. К 1 ноября в район Кечкемета были переброшены 23-я и 24-я танковые дивизии. Кроме того, началась переброска туда 13-й танковой дивизии, мото-

ризованной дивизии «Фельдхернхалле» и 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гейер». Этими силами командующий немецкой группы армий «Юг» генерал-полковник Ганс Фришнер планировал вернуть территории на Венгерской равнине и создать по реке Тиса хорошо укрепленный оборонительный рубеж.

Советское наступление началось в назначенное время после непродолжительной артиллерийской подготовки южнее Кечкемета в направлении на север ударами 37-го стрелкового и 2-го механизированного корпусов. Вскоре советские танки прорвали оборону венгерских войск в полосе примерно 25 км. Стремительное движение вперед, которое не смог остановить неудачный контрудар немецкой 24-й танковой дивизии, продолжалось всю ночь. Однако 30 ноября продвижение застопорилось после того, как немецкие и венгерские войска, в особенности их зенитная артиллерия, только в окрестностях Кечкемета сумели уничтожить 20 советских танков. В тот же день советская 7-я гвардейская армия форсировала Тису и стала медленно продвигаться вперед.

31 октября советские войска заняли Кечкемет, а 1 ноября Малиновский отдал приказ 4-му гвардейскому механизированному корпусу и 23-му стрелковому корпусу в течение трех дней захватить Будапешт, не дав немецким войскам провести перегруппировку.

Бронетехника и пехота, перевозимая на грузовиках и повозках с лошадьми, должны были внезапно форсировать Дунай и окружить Будапешт с юга. В то же время 2-й гвардейский механизированный корпус получил задачу обойти город с востока. Поскольку основные силы советских фронтов все еще находились на расстоянии 40–50 км от Пешта, а на той

стороне, где располагался Буда, не было советских плацдармов, на практике план исходил из того, что можно было просто и беспрепятственно совершить «прогулку» внутрь венгерской столицы.

У венгерских и немецких войск не было шансов для успешной обороны территории между Дунаем и Тисой. К 31 октября их эти сильно потрепанные войска насчитывали примерно 17 400 солдат и офицеров, против которых действовали примерно 52 тысячи русских. Против 97 танков и штурмовых орудий немцев и венгров корпуса фронта Р.Я. Малиновского могли двинуть 321 единицу бронированной техники (см. табл. 1 и 2, с. 423–424). Топографически данная местность хорошо подходила для широкомасштабных действий танковых соединений, поэтому в обороне немецкая и венгерская сторона не смогли бы здесь долго продержаться. Но все же, как показал ход дальнейших событий, даже венгры (не говоря уже о немцах) сумели сохранить достаточно мощную группировку войск, которой вскоре предстояло принять участие в последней, самой опустошительной фазе войны на территории Венгрии. На первых этапах сражения закрепившиеся на Дунае венгерские части, укрепленные немцами, оказались серьезным препятствием для слабо подготовленного советского наступления. Во всяком случае, молниеносный бросок вперед оказался на этом участке для советских войск невозможным, так как они не имели для него достаточно сил. Военачальники масштаба Малиновского (с сентября 1944 г. Маршал Советского Союза) должны были знать, что достижение поставленной задачи было нереальным. Но поскольку Сталин отмахивался от всех возражений, Малиновскому ничего не оставалось, кроме как повиноваться.

«Они идут!» Первое советское наступление на Будапешт

С военной точки зрения венгерская столица не была полностью беззащитной перед наступающими советскими войсками. По приказу Главного командования сухопутных войск (ОКХ) генерал-полковник Фриснер еще 21 сентября 1944 г. приступил к строительству глубокоэшелонированной системы обороны венгерской территории. Она состояла из трех оборонительных рубежей: рубежа «Маргит» («Маргарита») между Будапештом и озером Балатон на юго-западе, рубежа «Кароль» между низкими горами Черхат, Матра и Земплиен-Хедыпея на севере страны и рубежа «Аттила», который проходил к востоку от столицы.

11 сентября по приказу венгерского Генерального штаба началось оборудование передового укрепления в предместьях Пешта. Рубеж «Аттила» должны были оборонять четыре дивизии шестибатальонного состава. Он представлял собой три полудуги: первая проходила через населенные пункты Альшогод, Верешдъхаз, Маглод, Эчер, Дунахарати. Вторая – вдоль линии Дунакеси, Модьород, Ишасег, Пецель, Пештсентиме, Шорокшар. Третья проходила по окраинам самого Пешта. Фортификационные укрепления состояли из земляных бункеров, противотанковых рвов, нескольких участков с заграждениями из колючей проволоки и минными полями. После появления первых советских частей работы были продолжены: 1 ноября для участия в них было мобилизовано около 28 тысяч человек – солдат словацких технических частей, представителей гражданского населения и лиц, назначенных на принудительные работы.

Еще в сентябре 1944 г. Верховное командование венгерских войск с тревогой обратило внимание на тот факт, что Будапешт в течение нескольких дней может превратиться в прифронтный город, так как 3-я венгерская армия не обладала достаточными силами для того, чтобы отразить первый мощный удар противника. 25 сентября начальник объединенного штаба «Гонведа» (венгерские регулярные войска) Янош Вёрёш телеграфировал в немецкое Верховное командование генерал-полковнику Гейнцу Гудериану, занимавшему в тот момент должность начальника Генерального штаба сухопутных войск: «Если в ближайшее время 3-я венгерская армия не получит значительного подкрепления, то ее ожидает скорейший

крах. В данном случае перед врагом открывается прямая дорога в сердце страны, на город Будапешт». 9 октября Вёрёш отдал распоряжение командирам частей зенитной артиллерии и технических служб обеспечить прикрытие дорог на Будапешт. Тем же приказом он распорядился, чтобы венгерский I армейский корпус с приданными ему подразделениями полиции, жандармерии и ПВО занял позиции на рубеже «Аттила». Одновременно он обратился к командованию группы армий «Юг» с требованием предоставить ему немецкие войска усиления. Несмотря на то что расквартированный в Будапеште венгерский I армейский корпус представлял собой скорее административную, чем боевую, единицу и не имел собственных войск, ему временно были переподчинены все дислоцированные в столице венгерские части. Сегодня уже сложно судить о том, действительно ли Вёрёш намеревался оборонять Будапешт от советских войск, или он сосредоточивал силы для того, чтобы обеспечить выполнение плана Хорти о прекращении огня. Во всяком случае, он был в курсе намерений Хорти.

10 октября в венгерском Генеральном штабе начали подготовку к действиям в случае осады столицы. 12 октября штаб венгерского VI армейского корпуса получил приказ выдвинуться из Карпатских гор в Будапешт. Такой же приказ получила и 10-я пехотная дивизия. 1-й армейский корпус должен был обеспечивать меры безопасности, а 6-й армейский корпус – оборону города. В тот же день одно из самых надежных элитных формирований венгерской армии, 1-я парашютная группа, получило назначение в Будапешт. Кроме того, три противотанковые роты из состава 10-й пехотной дивизии получили приказ в срочном порядке передислоцироваться со своих позиций в Карпатских горах в столицу. Командующий танковыми войсками вооруженных сил Германии генерал-полковник Гейнц Гудериан (с марта 1943 г. генерал-инспектор танковых войск, с июля 1944 по март 1945 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск. – *Ред.*) высказался против этих мер, возможно, потому, что немецкое командование было в курсе планов Хорти о заключении перемирия и поэтому, несмотря на приближение советских войск, было заинтересовано главным образом в том, чтобы не допустить сосредоточения венгерских военнослужащих в столице. Решение немецкой стороны сохранять военный контроль в Будапеште, сконцентрировав там собственные силы даже в самый разгар танковых боев у Дебрецена, говорит о том, что одной из главных ее задач было не допустить выхода Венгрии из войны и потери своего плацдарма на Венгерском театре.

А пока немцы тоже накапливали свои войска в Будапеште. Они перебросили сюда 503-й тяжелый батальон танков «Тигр» и часть подразделений 24-й танковой дивизии. 13 октября венгерский Генеральный штаб отдал приказ всем подвижным частям венгерской армии следовать в Будапешт. Западнее Буда была расквартирована 22-я добровольческая кавалерийская дивизия СС «Мария-Терезия», состоявшая из проживавших на венгерской территории и насильственно мобилизованных швабов.

По данным боевого журнала группы армий «Юг», по состоянию на 25 октября 1944 г. силы обороны Будапешта включали в себя 26 тысяч немецких и примерно 15 тысяч венгерских солдат и офицеров (часть из них не прошедших полный курс подготовки), входивших в состав различных частей и подразделений, и 146 крупнокалиберных зенитных орудий, которые могли быть использованы для борьбы с танками. 26 октября эти войска были усилены 1-м парашютно-десантным батальоном, занявшим позиции в районе Дунахарасты и Шорокшар на рубеже «Аттила» с задачей отрезать дороги на Кечкемет и Шольт. Кроме того, в период с конца октября по середину ноября оборонявшиеся получили в качестве усиления 1, 10, 13, 16, 24 и 25-й дивизионы штурмовой артиллерии, две батареи 7-го дивизиона штурмовой артиллерии, примерно 25 танков различных типов, 2 тысячи солдат и 1-й полицейский полк СС. Артиллерийские дивизионы были направлены в наименее угрожаемые районы близ Ракошчаба, Эчера и Пецеля. Полицейские войска СС, выполнявшие роль

резерва, были развернуты в пригороде Кишпешт. В самом Будапеште были оставлены 9-й батальон (личная охрана Салаши) и охранный батальон «Будапешт». К ним присоединились 201, 202, 203-й специальные технические батальоны, учащиеся офицерской военной школы города Варпалота, а также три жандармских батальона. Несколько позже в венгерскую столицу вернули прошедшую переформирование и пополнение 12-ю дивизию резерва. Приблизительно в 70 км к югу от Будапешта позиции на передовой заняли 1-я танковая, 23-я и 8-я дивизии из резерва, а также потрепанные части 1-й гусарской дивизии, всего около 20 тысяч солдат и офицеров.

Развернутые в Будапеште части и подразделения, малочисленные, недостаточно подготовленные и оснащенные, не могли представлять собой серьезную силу даже в обороне. 27 октября 1944 г. Фриснер, который понимал, что взятие столицы является ближайшей задачей советского наступления, обратился с письменным рапортом к Гудериану, требуя дополнительных сил. В течение ближайших недель ему пришлось безуспешно повторить эту просьбу несколько раз.

2 ноября советские подвижные части вышли к населенным пунктам Дунахарасты, Альшонемеди, Оча и Иллё, южнее и юго-восточнее Будапешта, и приблизились к городу на расстояние 15 км. В своих воспоминаниях Коваловски так описывает впечатления горожан от впервые услышанной ими канонады: «Даже в коротких перерывах между боями я все равно слышу канонаду. Могут ли так часто стрелять по случайно прорвавшимся вражеским машинам? В итоге я прихожу к выводу, что это не залпы зенитной артиллерии. Неужели фронт настолько близко подступил к нам?.. После короткого обеденного перерыва затихли сирены, но я все равно слышу шум разрывов снарядов. Теперь становится очевидным, что это не зенитные пушки, а тяжелая артиллерия. Судя по всему, на юго-востоке от города идет ожесточенное сражение... Фронт добрался и до нас. Как долго это будет продолжаться? Сможем ли мы это выдержать?»

Двое венгерских парашютистов, участников тех событий, вспоминают о том, как первые советские танки появились на расстоянии примерно 10 км от границ города:

«Во второй половине дня 2 ноября со стороны противотанковой батареи можно было услышать сильную артиллерийскую стрельбу. Вскоре повозки, запряженные лошадьми, стали беспорядочно отходить со стороны Кечкемета. Они забили все дороги между Шорокшаром и линией обороны... Как только мы освободили проезжую часть, из расположения батареи прибыло несколько солдат, которые сообщили, что их позиции штурмуют русские танки.

Пять головных Т-34 очень быстро достигли моста, переброшенного через противотанковый ров... Было темно, но мы отчетливо видели, как вслед за танками в ров скатывается русская пехота. У нас был приказ не открывать огня по пехоте, пока не подобьют танки. Танки шли уступом, прикрывая друг друга, но перед мостом они ненадолго остановились. В этот момент открыли огонь замаскированные в акациевой роще зенитные орудия. Их поддерживали солдаты, которые из-за моста открыли стрельбу из противотанковых гранатометов. Одновременно с этим открыла плотный огонь пехота, который заставил пехоту, сопровождавшую советские танки, залечь на землю. В результате столь неожиданного обстрела все пять танков были подбиты».

После наступления темноты на наскоро оборудованные позиции венгерских парашютистов обрушилось до двадцати танков.

«Беспорядочный бой бушевал несколько часов. Многие танки подорвались на минах или были подбиты из противотанковых орудий. Они откатились назад. Под Шорокшаром нескольким танкам удалось прорвать линию обороны, но советская пехота не поспела за ними. Она завязла на левом фланге, и в результате танки отступили назад... Атака, предпри-

нятая под Дунахарасти, захлебнулась после многочасового обстрела с близкого расстояния. Фронт был удержан, а несколько советских танков подбито».

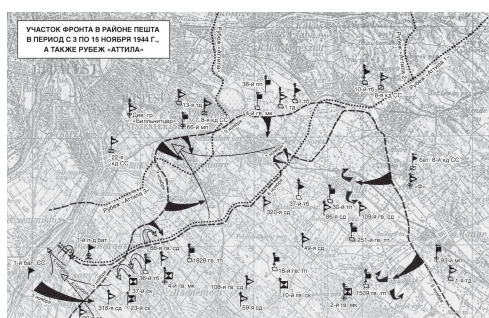
3 ноября советскому 4-му гвардейскому механизированному корпусу удалось прорвать оборону на участке 22-й кавалерийской дивизии СС и подойти на расстояние 6 км от Шорокшара, однако группа парашютистов под командованием майора Эдмера Ташшоньи все же сумела восстановить положение и вернуть потерянные позиции. Части советского 2-го механизированного корпуса овладели населенными пунктами Монор, Иллё, Вечеш, Дьяль и Пештсентимре, где оборону пытался организовать отряд венгерской полиции. В распоряжении венгров оказалось лишь пять итальянских танков типа «Ансальдо», три из которых были сразу же подбиты. После этого первый советский танк ворвался на улицы Иллё и вышел на одну из главных транспортных артерий, ведущих в Будапешт. Тем временем другие танковые подразделения устремились в сторону аэропорта Ферихедь, откуда до центра города оставалось 16 км. Позднее войска 8-й кавалерийской дивизии СС и венгерской 12-й пехотной дивизии сумели отбить обратно Вечеш и Монор. Затем часть Вечеша снова была захвачена советской стороной, но и ее удалось отбить 4 ноября.

Наступление советских танков закончилось 5 ноября. Многие из них были подбиты, большое количество пехоты полегло позади уничтоженных машин, стала ощущаться нехватка боеприпасов и топлива. Кроме того, передовые наступающие части оказались под угрозой окружения частями 1-й и 3-й немецких танковых дивизий. 8 ноября 1944 г. частям 22-й кавалерийской дивизии СС удалось вытеснить передовые наступающие советские войска на участках вклинения по рубежу «Аттила». После того как с переднего края были отведены советские танковые части, атаки были продолжены силами пехотных рот и батальонов, которым удалось вклиниться в оборону на участках, занятых необученными солдатами немецкой дивизии. Однако с помощью венгерских парашютистов все такие прорывы были вовремя ликвидированы, а их участники – уничтожены. Во время наступления обороняющиеся успели подтянуть на венгерскую равнину примерно 13 тысяч человек пехоты, 100 танков и штурмовых орудий и 150 орудий обычной артиллерии (в советских источниках три танковых и одну моторизованную дивизии. – *Ред.*) (табл. 3, с. 425).

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ СИЛАМИ 2-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА

Из мемуаров генерал-полковника Штеменко, бывшего в то время первым заместителем начальника Генерального штаба Красной армии, становится ясным, как в Генштабе прореагировали на приостановление наступления 46-й армии. Поскольку никто не осмелился бы отменить приказ Сталина или как-то изменить его, единственным решением было расширить фронт наступления и попытаться захватить Будапешт путем охвата с двух сторон, отказавшись от фронтальных ударов. 6-я гвардейская танковая армия и 7-я армия получили задачу прорвать оборону противника в районе Хатвана с востока и выйти к Дунаю севернее Будапешта в районе Ваца. Войска 46-й армии должны были форсировать Дунай в районе Шорокшара, захватить остров Чепель, продолжить переправу через Старый Дунай и атаковать столицу с юго-западного направления, из района города Эрд. 5 ноября советская сторона прекратила фронтальное наступление юго-восточнее Будапешта, для того чтобы перегруппировать свои войска и подготовить их к операции по охвату города. Это означало, что отныне стратегическое командование переходит в руки военных профессионалов.

В то же время в начале ноября Главное командование сухопутных войск Германии развернуло три танковых корпуса таким образом, чтобы они блокировали подступы к Будапешту. III танковый корпус под командованием генерала Брейта должен был заниматься непосредственной обороной венгерской столицы, в то время как IV танковый корпус должен был направиться в район Ясберена, LVII танковый корпус – в район Цегледа и Сольнока. Два этих танковых корпуса должны были нанести контрудары по наступающему противнику. После того как советские войска форсировали Тису, 7-я гвардейская армия на левом крыле наступающего 2-го Украинского фронта, а также 53, 27, 40-я армии и конно-механизированная группа Плиева были остановлены в ходе развития наступления на север немецкими и венгерскими частями. Подвижные войска Малиновского снова понесли тяжелые потери. По данным немецкого командования, в период с 31 октября по 12 ноября было уничтожено 132 советских танка.

Начиная с 8 ноября 7-я гвардейская армия и конно-механизированная группа Плиева возобновили наступление на Ишасег и Хатван. Здесь, на востоке и северо-востоке от Будапешта, участок примерно 50 км фронта обороняли лишь несколько венгерских батальонов и подразделения немецких 13-й танковой, 4-й и 18-й моторизованных дивизий СС и 46-й пехотной дивизии. Деморализованные непрерывавшимися атаками русских, многие солдаты моторизованных дивизий СС, которые были мобилизованы силой, сдались в плен или рассеялись. Состояние этих войск характеризуется следующим донесением: «18-я моторизованная дивизия СС... набрана из этнических немцев, проживающих в Венгрии. Они перебегают к противнику, и боевая ценность этой дивизии аналогична венгерской дивизи-»

зии...Общая численность составляет 18 тысяч человек, при этом на 18 солдат приходится одна винтовка».

Неудивительно, что неподготовленных и плохо экипированных солдат СС охватила паника. Им оставалось лишь наблюдать, как их товарищей давят танки Т-34, прежде чем они успевают найти укрытие. Тем не менее командование группы армий «Юг» обвинило в случившемся именно их. В донесении, адресованном Гудериану, Фриснер пишет: «В 4-й полицейской моторизованной дивизии СС командиры некоторых подразделений предпочли застрелиться из-за бегства своих солдат. 18-я моторизованная дивизия СС полностью разгромлена».

Венгерская 12-я дивизия резерва, в составе которой было примерно 2 тысячи солдат и офицеров и 20 орудий и которая все еще находилась в процессе формирования, в начале ноября получила боевую задачу прикрыть подходы к Будапешту по рубежу между Печелем, Ишасегом и чуть южнее, в районе городка Дань. Когда командование поняло, что этих сил было явно недостаточно, сюда же 13 ноября был переброшен 1-й парашютно-десантный батальон под командованием майора Эдмера Ташшоньи. Вплоть до прибытия 15 ноября 600 солдат подкрепления парашютисты при хорошо организованной артиллерийской поддержке самостоятельно удерживали участок обороны длиной от 5 до 6 км, отбив ряд ожесточенных атак советских войск. Как-то в результате очередной бешеной атаки советские пехотинцы вышли к венгерским позициям. Ташшоньи вспоминает:

«Я повернулся к немецкому артиллерийскому корректировщику:

– Огонь на поражение в сектор «А», немедленно!

– Но это же ваши позиции.

– Не важно, скорее!

Я посмотрел на часы. Спустя 17 секунд наши позиции и район перед ними находились под огнем 52 артиллерийских стволов, который постепенно затихал и через несколько минут стал совсем редким. Этот вал пришелся прямо по русской пехоте, находившейся на дистанции прямого броска. Когда я отправился (точнее, поскакал прыжками) туда после того, как атака была отражена, парашютисты рассказали мне, что они понимали, что огонь ведет наша артиллерия и что ничего нельзя с этим поделать. Когда огонь несколько ослаб, некоторые выглядывали из окопов и видели, как тела русских разлетаются в воздухе, а остальные солдаты противника в панике пытаются окапываться. Чудесным образом в нашей роте в результате того смертельного артиллерийского удара было всего семь человек убитых и несколько раненых. Несколько солдат засыпало землей, но они сумели благополучно выбраться».

Ташшоньи был награжден Железным крестом первого и второго класса; он и его парашютисты были отмечены благодарностью в приказе по немецкому вермахту. Тем не менее бои продолжались до 22 ноября, и во время их подразделение потеряло до 40 процентов своего состава.

Несмотря на то что советские войска форсировали Тису на многих участках, им не удалось воспрепятствовать тому, что немецкая сторона стабилизировала фронт, создав непрерывный передний край путем постоянного проведения перегруппировки оставшихся сил и нанесения непрекращающихся ударов по наступающему противнику. Потери советской стороны были ощутимыми, однако к концу месяца немецкие танковые дивизии также понесли существенный урон. «В батальонах оставалось по 100–200 солдат. На каждые 100 м фронта приходилось в среднем 3,5 человека... В танковых частях оставалось в лучшем случае по восемь танков, а в худшем – по четыре или пять», – писал Фриснер в своих мемуарах. К середине ноября развернутые северо-восточнее Будапешта немецкие части отступили к рубежу «Кароль», и в этом секторе фронт тоже стабилизировался.

Сталин наконец понял, что сил одного только 2-го Украинского фронта было недостаточно для захвата Будапешта. По его приказу 14 ноября в распоряжение Малиновского были

переданы 200 танков и 40 тысяч солдат из резерва ВГК, а также из 4-го Украинского фронта, «застрявшего» в Карпатах. Бронетанковую технику, количество которой теперь далеко превосходило всю имевшуюся в составе немецких соединений, командующий фронтом направил в 6-ю гвардейскую танковую армию, получившую задание совместно с 7-й армией окружить Будапешт с севера (как предполагалось первоначальным замыслом). Однако советские войска не сумели прорвать оборону противника на этом направлении.

Попытки 46-й армии переправиться через Дунай и высадиться южнее города на острове Чепель оказались более успешными. 6 ноября такая же попытка силами одного батальона 23-го стрелкового корпуса была остановлена венгерскими гусарами и срочно перебросенным сюда из-под Дебрецена подразделением штурмовой артиллерии (причиной переброски послужило обнаружение советского корректировщика артиллерийского огня, который скрывался на церковной колокольне в юго-восточной части острова). Лейтенант венгерской артиллерии Джорджи Тюрочи вспоминал:

«Солдаты советского стрелкового батальона накапливались на мелководье, почти у самого берега Старого Дуная. Десантировавшись, они прятались в ивняке и березовой роще. Тот, кто не успел спрятаться, был пленен нами. Почти им всем было за 40 лет, почти все с большими усами и простодушным видом. Наши солдаты любезно предложили пленникам ром и дружелюбно похлопывали их по спине... Подобная дружелюбность смогла выманить из убежищ еще нескольких русских. Некоторые несли в руках импровизированные распятия из прутьев... Там был советский раненый, по-моему сержант с белым как мел лицом. Я прекрасно помню его твердый, окаменевший взгляд и суровое лицо, которое не реагировало ни на какие дружеские жесты, рот, кривившийся от боли. Он принял от нас медицинскую помощь, но так и не притронулся к предложенному ему рому. Без слов он покачал головой, отказываясь от выпивки. Пленники просили не передавать их в руки немцев. Но венгерская армия не могла иметь пленных».

Атаки советских войск, пытавшихся переправиться через реку 14, 15, 16 и 18 ноября, были отбиты, но 21 ноября они высадились на остров Чепель силами до дивизии. Командир полуроты венгерского 4-го гусарского полка Тибор Генч пишет в своих воспоминаниях:

«На рассвете следующего дня противником вновь была предпринята попытка форсирования рукава Дуная (Рацкевеи – (Шорокшари) – Дуна). Как резервная рота, мы оказались размещены в одной из школ Тёкёля. Офицеры полка спали праведным сном. Те, кто оказался на передовой, майор Мессарош со своими людьми и другие подразделения, не оказали ни малейшего сопротивления. Войска противника, возможно, это были штрафные роты, успевшие изрядно хлебнуть «штурмовой воды», подошли к железнодорожной ветке на окраине поселка, где стоял я и мои люди. Они подходили большими плотными группами, поэтому иногда одной пулей можно было пробить два или даже три тела. Несколько раз мы перезаряжали оружие. В какой-то момент они рассеялись и попытались зайти нам в тыл, обойдя поселок... Тогда нас вытеснили из поселка, а на следующий день была контратака при поддержке немецких танков. На этот раз войска противника успели грамотно окопаться; они сопротивлялись грамотно и серьезно. Они хорошо маскировались в окопах, но мы находили их и убивали выстрелами в шею и в голову. Однако при помощи наших слабых сил полностью очистить Тёкель было невозможно».

Обеспокоенное угрозой с южного направления, командование группы армий «Юг» перенацелило на остров Чепель 2-й венгерский парашютно-десантный батальон, батальон кадет офицерского училища, боевую группу дивизии «Фельдхернхалле», два отдельных батальона, а также 1-й и 9-й артиллерийские дивизионы. Но этих сил оказалось явно недостаточно для того, чтобы сдержать наступление советского 23-го стрелкового корпуса, который 25 ноября завершил высадку на острове Чепель и соединился с войсками 37-го стрелкового корпуса. Несколько поселков при этом переходили из рук в руки, пока наконец линия

фронта не стабилизировалась между Лакихедью и Кирайердё по южной окраине столицы. Советские части продолжали наступать, пока не оказались в пределах доступности огня венгерской артиллерии, которую поддерживали речные катера. 103 венгерских орудия теперь имели возможность обстреливать советские части не только с территории острова Чепель, но и из Шорокшара на востоке, и даже с противоположного берега Дуная на западе. Тем не менее бои продолжались, и, как вспоминает призванный из резерва лейтенант гусарского полка, «к вечеру наши позиции атаковали так называемые русские штрафные батальоны, составленные из политических заключенных (штрафные батальоны набирались по другим критериям – за проступки, совершенные на фронте. – *Ред.*). Их ожидал ураганный огонь. Совместные залпы пулеметов, минометов, закопанных в землю танков, даже скоростных речных катеров посылали в них пули и снаряды... Атака вскоре захлебнулась. Русские понесли огромные потери. Перед нашими позициями остались лежать сотни умирающих и раненых. Мы слышали, как русские зовут бога: «Господи!», громко стонут и зовут на помощь. Все эти звуки становились все слабее. Наши санитары хотели помочь им, но каждая попытка заканчивалась пулеметным огнем с противоположной стороны. Этих людей просто бросили умирать. Мы не могли помочь им. На следующий день мы уже не слышали стонов».

Общую картину потерь [венгров] может проиллюстрировать тот факт, что прибывший 28–29 ноября на этот участок из резерва 2-й парашютно-десантный батальон (примерно 1400 человек) по численности был почти равен дивизии гусар, которая к тому времени все еще вела бои в районе острова Чепель.

ВТОРОЕ СОВЕТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА БУДАПЕШТ: ЭРЧИ И ХАТВАН

Сталин и советский Генеральный штаб были недовольны медленным продвижением 2-го Украинского фронта Малиновского, самого мощного на тот момент из всех советских фронтов. (Самым мощным во второй половине 1944 г. и в 1945 г. был 1-й Белорусский фронт, более чем на 300 тыс. по численности войск, а также намного по боевой технике превышавший 2-й Украинский фронт (к началу Будапештской операции насчитывавший 712 тыс. человек). 1-й Украинский фронт также был сильнее 2-го Украинского, лишь немного уступая 1-му Белорусскому (также свыше 1 млн солдат и офицеров). – *Ред.*) Обстановка на развернутом севернее 4-м Украинском фронте была еще хуже: с августа 1944 г. его войскам удалось продвинуться вперед всего на 200 км. Они прочно застряли в Карпатах. Для выяснения обстановки на этот участок был направлен представитель советского Верховного командования маршал С.К. Тимошенко. В обсуждении обстановки участвовал и командующий действовавшим в Сербии 3-м Украинским фронтом маршал Толбухин, хотя он и не был посвящен в детали плана по овладению Будапештом. Но теперь его роль в Венгрии резко выросла, так как 2-му Украинскому фронту не удалось добиться здесь успеха, а также в связи с невозможностью по политическим соображениям дальнейшего наступления на Балканах. Кроме того, Сталин всегда поощрял своих подчиненных к открытой конкуренции между собой. 24 ноября был получен доклад Тимошенко:

«2-й Украинский фронт является одним из сильнейших фронтов. Он обладает огромным потенциалом, позволяющим разгромить обороняющегося врага. Но, несмотря на это, в последнее время он не смог записать на свой счет никаких значительных успехов. По моему мнению, главные причины безуспешности предпринятых действий кроются в следующем:

1. Полагаясь на относительный перевес в силах, командование пытается одновременно разгромить вражеские группировки на нескольких направлениях (Мишкольц, Эгер, Хатван).

2. Это ведет к распылению сил, в результате чего наши части не могут противопоставить врагу реальный перевес в силе. Например, самая крупная группировка фронта (27-я, 53-я армии и 7-я гвардейская армия), включающая в себя 24 стрелковые дивизии, 3 механизированных и 1 танковый корпус, а также 2 кавалерийских корпуса, действует на нескольких направлениях:

- а) на Мишкольцком направлении, на участке фронта шириной 50 км – 27-я армия в составе 8 стрелковых дивизий;

- б) на Эгерском направлении, на участке фронта в 45 км – 53-я армия в составе 7 стрелковых дивизий;

- в) близ Хатвана действует 7-я гвардейская армия в составе 9 стрелковых дивизий. На том же самом участке развернуты 3 механизированных корпуса, 2 кавалерийских корпуса и 1 танковый корпус.

Таким образом, пехотные части равномерно распределяются по направлениям и между соответствующими армиями. Определенный перевес наблюдается лишь у 7-й гвардейской армии, которой приданы части группы Плиева, 2-го и 4-го механизированных корпусов. Но после продолжительных боев против превосходящих сил противника как группа Плиева, так и механизированные корпуса находятся в ослабленном состоянии...

3. Командование частей, а также штабы частей в некоторой мере избалованы событиями в Румынии и Трансильвании, вследствие чего сотрудничество между отдельными родами войск не организуется с надлежащей тщательностью.

На основе вышеизложенного считаю целесообразным потребовать от командующего 2-м Украинским фронтом следующего:

1. Он должен пересмотреть все свои предыдущие решения и сформировать воинские группировки, которые бы, обладая абсолютным перевесом, нанесли удар по врагу на двух направлениях:

а. В качестве основного направления – Хатван и Балашшадьярмат.

б. В качестве второстепенного направления – Мишкольц».

Советская сторона делала все возможное для того, чтобы обеспечить успех наступления. В направлении на Хатван советские стрелковые и танковые части превосходили противника примерно в девять раз, а превосходство в артиллерии было примерно восьмикратным. Прежде, в районе Карпат советские войска имели примерно четырехкратное превосходство над противостоявшими им венгерской и немецкой группировкой (см. табл. 4 и 5). Общее количество войск, действовавших в районе Будапешта в период с 5 ноября по 24 декабря, достигло у немцев и венгров 7 дивизий (примерно 60 тыс. солдат и офицеров), а с советской и румынской стороны – 12 дивизий (около 110 тыс. солдат и офицеров).

Уже в середине октября 3-й Украинский фронт под командованием Толбухина получил приказ Ставки Верховного Главнокомандования после захвата Белграда прекратить наступление и начать подготовку к ведению наступательной операции на территории Венгрии. Целью наступления было получить доступ к Трансдунайскому месторождению алюминия и нефтепромыслам, после чего фронт должен был продолжить движение в направлении на Вену и при необходимости – на Будапешт. С учетом этого 18 октября в состав 3-го Украинского фронта была передана развернутая в Галиции 4-я гвардейская армия. 9 ноября войска фронта Толбухина создали плацдарм в районе Кишкёсёга на Дунае, который продолжали расширять. 12 ноября Малиновский получил приказ передать 3-му Украинскому фронту 31-й гвардейский стрелковый корпус, а 27 ноября, через три дня после получения доклада Тимошенко, ему пришлось тем же образом расстаться и с 5-м кавалерийским корпусом. Таким образом, по мере того как линия фронта ниже по течению Дуная постепенно смещалась на запад, советские войска получали возможность подойти к Будапешту и с юго-запада.

По рекомендации Толбухина советская ставка отдала приказ Малиновскому двинуть 6-ю танковую армию и 7-ю гвардейскую армию, два механизированных корпуса, один танковый корпус, два кавалерийских корпуса и два только что сформированных артиллерийских дивизиона на Хатван, в район к северо-востоку от Будапешта. Удар на участке 8 км по фронту с целью прорыва обороны противника должен был наноситься в два этапа. Начинали наступление шесть дивизий, затем его развивали две дивизии при поддержке двух артиллерийских дивизионов, а также части 6-й танковой армии. Всего в составе наступающей группировки насчитывалось 510 танков и 2074 орудия и миномета. На каждый километр фронта наступления приходилось 64 танка, 260 артиллерийских орудий и минометов и примерно 4 тысячи солдат и офицеров. На соседнем участке протяженностью 7 км разворачивалась 53-я армия, имевшая в своем составе 4 дивизии, 700 артиллерийских орудий и минометов. Теперь у Малиновского были все причины надеяться на то, что в течение трехчетырех дней его войска выйдут в район Ваца и долины реки Ипель, откуда можно было бы не только наступать на Будапешт, но и продвигаться дальше на запад, в направлении на северо-западную часть Венгрии (на Южно-Словацкую низменность, на Братиславу и Вену. – *Ред.*).

К концу ноября было понятно, что войска фронта Толбухина захватят часть трансдунайской территории Венгрии в течение недель или даже дней, после чего развернутся для наступления на Будапешт с юго-запада. Малиновский, войска которого наносили удар с востока, возможно, не пожелал делиться лаврами захвата венгерской столицы; только этим можно объяснить отданный им приказ 2-му механизированному корпусу и 46-й армии форсировать Дунай и охватить город с запада, опередив тем самым войска 3-го Украинского фронта. Бессмысленность и отсутствие стратегической необходимости этого шага, стоившего многих жизней, становится очевидным с учетом того факта, что к этому моменту

немецкая и венгерская оборона была уничтожена южнее того пункта, где войска Малиновского должны были форсировать Дунай. А наступавшие с темпом 10–20 км в день войска Толбухина в любом случае вскоре должны были выйти к Будапешту.

Малиновский отдал приказ 46-й армии переправиться через Дунай в районе Эрчи, городка, расположенного на западном берегу реки у южной окраины Будапешта, 4 декабря 1944 г. Буквально за несколько дней до нанесения удара, начавшегося без артиллерийской подготовки в 11 часов утра, обороняющаяся сторона усилила свои позиции. Советские атакующие группы были встречены необычно плотным огнем, в результате которого 75 процентов плавсредств, на которых они переправлялись через реку, были уничтожены еще тогда, когда находились посередине реки. Вывод о масштабах потерь можно сделать на примере представления к наградам солдат, участвующих в той переправе:

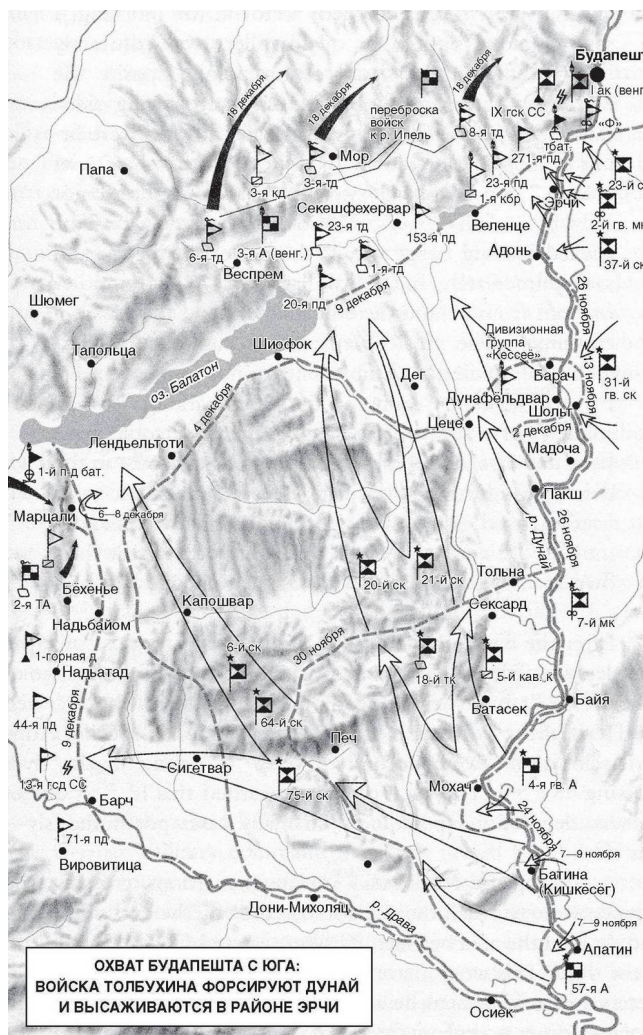
«Примерно в полночь 4 декабря понтон, на котором старшим был сержант Олег Николаевич Смирнов, перевозил штурмовую группу в составе взвода и двух артиллерийских орудий. Во время переправы понтон получил попадания. Смирнов был дважды ранен в ногу, четверо гребцов также были ранены. Тем не менее им удалось доставить до берега и высадить взвод солдат и орудия. На обратном пути понтон снова получил попадания, и Смирнов снова был ранен. К тому времени только двое его подчиненных были невредимы. Тяжело раненный Смирнов лежа отдавал приказы своим товарищам. Когда понтон вернулся обратно на левый берег реки, они обнаружили, что Смирнов уже был мертв».

Было потеряно несколько элитных рот, а выжившим пришлось повернуть обратно, двигаясь по частично замерзшей реке. К вечеру 5 декабря советским войскам удалось создать на другом берегу четыре плацдарма, но три из них были сразу же уничтожены в результате молниеносных контратак немецких войск. 6 декабря было создано еще семь плацдармов по обе стороны от Эрчи, но при этом ни один из солдат атакующих рот первой волны не выжил под плотным огнем оборонявшихся. Многие солдаты были вынуждены выпрыгивать с поврежденных лодок на полпути и продолжать плыть в ледяной воде с оружием в руках. Потери советских войск привели в изумление даже их противников. Гусарский подполковник Эмиль Томка писал в дневнике:

«Когда утром я прибыл в северный район, моему взгляду предстала дикая картина. Наша артиллерия беспрерывно расстреливала русских, скопившихся для переправы у фермы Синя. Нас поддерживали немецкие пикирующие бомбардировщики. В том же направлении вели стрельбу три миномета Гёзы Терстиански. Но, несмотря ни на что, русские продолжали форсировать реку. Группы советских солдат перевозили не только на лодках, но и даже на паровом пароме. Я видел, как в небольшую баржу, до отказа забитую людьми, попала немецкая авиабомба – суденышко тут же ушло на дно. Но они сразу же вытянули из-за причала другую баржу и продолжили переправу. Самое чудовищное происходило там, где берег находился в немецких руках. Немцы стреляли из пулеметов по вышедшимся солдатам. Шансы выжить были лишь у мизерного процента солдат противника. Оставшиеся в живых пытались найти укрытие в сильно заросших отмелях у берега глубиной несколько метров, местами заболоченных. Насмотревшись на все это, один из гусаров обратился ко мне: «Господин лейтенант, а что русские делают со своими врагами, если они так жестоко обходятся со своими солдатами?»

После тех боев Малиновский, явно желая оправдаться за бессмысленные (по мнению автора. – *Ред.*) жертвы среди своих солдат, щедро раздавал награды. В частности, 115 человек, почти половина из удостоенных звания Героя Советского Союза за бои на территории Венгрии, получили эту награду за участие в форсировании реки в районе Эрчи. Всего же эту высшую награду Советского Союза до 1945 г. получили примерно 12 тысяч человек, многие – посмертно.

По замыслу Малиновского ударные группы, форсировав Дунай, должны были к концу второго дня наступления выйти в район Будаёрш – Бия, а на третий день достичь территории между городами Пилишвёрёшвар и Чаквар. При этом предполагалось, что советские войска будут наступать с темпом 20–30 км в день, чего пехотные части могут достичь только продвигаясь вперед, не имея боевого соприкосновения с противником. В тех обстоятельствах такое было невозможно еще и потому, что после форсирования реки войска фронта Малиновского должны были преодолеть еще и рубеж «Маргит». Вероятно, командующий фронтом наметил такие масштабные задачи для того, чтобы преувеличить важность той операции по форсированию Дуная.

Запутанность предприятия Малиновского характеризует еще и тот факт, что положение 46-й армии так и не было стабилизировано до 8 декабря, когда части 3-го Украинского фронта, наступавшие по западному берегу Дуная, вышли в район ниже Эрчи. Подавляющее превосходство в силах группировки в составе шести стрелковых дивизий и 2-го гвардейского механизированного корпуса наконец позволило одержать верх над продолжавшими таять силами венгерской и немецкой стороны – венгерской 1-й гусарской дивизии и немецких 271-й народно-гренадерской (пехотной) и 8-й танковой дивизий. Но фронт стабилизировался по рубежу «Маргит», после того как наступающие советские войска сумели пройти от 10 до 20 км от точки переправы. Именно на этом участке Малиновскому пришлось передать свои неудачно действовавшие в наступлении соединения 3-му Украинскому фронту.

В результате атаки венгерского 10-го дивизиона штурмовой артиллерии с рубежа в районе между Барачкой и Матонвашаром советские войска оказались отброшены обратно к Дунаю, в район севернее Эрчи. Командир одной из батарей 1-го дивизиона штурмовой артиллерии под предлогом того, что его подразделение используется неграмотно, не дожидаясь приказа, присоединился к атаке, в результате которой была уничтожена группировка (очевидно, подразделение. – *Ред.*) советских войск, сосредоточенная в Барачке. Штурмовое орудие командира дивизиона капитана Шандора Ханека протаранило советскую противотанковую пушку, которая вела по ней стрельбу. Атака неожиданно оказалась успешной: было захвачено или уничтожено 15 советских артиллерийских орудий, убито примерно 250 советских солдат. В результате на этом участке советская сторона долгое время не решалась продолжать наступательные действия, а храбрые действия венгерских артиллеристов были отмечены даже в немецких приказах.

Наступление фронта Малиновского севернее Будапешта развивалось более удачно, поскольку немецкое командование, отражая успешное продвижение войск Толбухина, было вынуждено перебросить из района Хатвана за Дунай 1-ю и 23-ю танковые дивизии, значительно ослабив оборону на данном направлении.

Наступление началось 5 декабря в 10.15 после тщательной артиллерийской подготовки, продолжавшейся 45 минут. Восемь советских дивизий прорвали оборону немецких и венгерских войск на участке между городами Ача и Гальгамача. Через два часа после начала наступления здесь образовался выступ в направлении на Вац шириной 12 и глубиной 3–6 км. В 13.30 в район прорыва была брошена 6-я гвардейская танковая армия. Фриснер потребовал от Гудериана срочно прислать ему резервы. Дополнительные войска были нужны для того, чтобы перекрыть долину реки Ипель, откуда наступавшие советские танки могли бы прорваться на Малую Венгерскую равнину (Южно-Словацкая низменность. – *Ред.*), создав угрозу Братиславе, Вене и, разумеется, Будапешту. Единственное, что удалось немедленно перебросить к реке Ипель, были части 24-й танковой дивизии и штрафной бригады СС под командованием бригадефюрера (соответствует армейскому званию генерал-майор) Оскара Дирлевангера. Фриснер писал:

«В штабе Дирлевангера я застал странную картину. Я застал бригадефюрера, который походил на прожженного авантюриста, в командном пункте сидящим за письменным столом. На плече его сидела обезьянка, с которой, говорят, он не расставался даже в Польше. Узнав, что штабные офицеры уже собирают вещи, я настоял, чтобы штаб оставался на месте... Бригада, как мне уже намекали, напоминала дикую банду. Одна из рот, набранных из коммунистов, которые должны были «показать себя в бою», уже успела дезертировать, перейдя к противнику».

Между северо-восточной окраиной Будапешта и Вацем образовалась огромная брешь, которую командованию группой армий «Юг» нечем было прикрыть из-за отсутствия резервов. С целью прикрыть хотя бы северную часть выступа в районе Пешта 6 декабря в район Вац с участка на острове Чепель была перебросена моторизованная дивизия «Фельдхернхалле». В течение следующих восьми суток сюда же были направлены несколько венгерских частей, в том числе 1-й особый гусарский батальон, батальон охраны, 4-й саперный батальон, а также 2-й парашютно-десантный батальон. На тот момент дивизия «Фельдхернхалле» была настолько потрепана, что укомплектованность ее пехотных частей не превышала 30 процентов численности венгерского 2-го парашютно-десантного батальона, 1300 солдат и офицеров которого оказались самой крупной частью во всей группировке.

9 декабря советская 6-я гвардейская танковая армия левым флангом вышла к Дунаю в районе городка Вац. Штурмовая группа в составе подразделений дивизии «Фельдхернхалле» и 13-й танковой дивизии попыталась нанести контрудар, но безуспешно. Развернутый наскоро учебный батальон полиции был сметен войсками 30-го стрелкового корпуса,

наступавшими при поддержке 60 танков; в течение суток батальон потерял убитыми и ранеными 70 процентов личного состава.

На северном участке рубежа «Аттила» наступающие советские части в течение нескольких часов буквально смели со своего пути солдат 153-й саперной роты и две роты сил безопасности, так называемые роты кишка (кишегитё кархаталам – *венг.*), оказавшиеся единственной преградой на их пути. Командир дивизии «Фельдхернхалле» генерал-майор Гюнтер фон Папе отдал приказ немедленно контратаковать. Задача вернуть населенный пункт Фот была поручена венгерскому 2-му парашютно-десантному батальону при поддержке на флангах пехотой дивизии «Фельдхернхалле» и венгерской 10-й пехотной дивизии (всего 200 немецких и 600 венгерских солдат при поддержке 15 танков). Несмотря на то что наступавшие советские войска поддерживали 26 артиллерийских батарей и бесчисленное (! – *Ред.*) количество минометов, 13 декабря парашютисты вместе с остатками двух потрепанных немецких батальонов и одной танковой роты сумели вновь захватить Фот. Но к следующему вечеру им вновь пришлось отойти, поскольку соседи не сумели обеспечить им прикрытие с флангов. Со своих новых позиций южнее Фота, несмотря на потерю 40 процентов личного состава, они сумели предпринять рейд в тыл противнику, в ходе которого захватили большое количество военнопленных, в том числе начальника оперативного отдела штаба одной из советских дивизий. Папе наградил 31 солдата Железными крестами первого и второго класса. Он лично зачитал десанникам текст донесения одного из советских командиров, перехваченный немецкой дивизией: «Требую немедленно прислать мне подкрепления, так как в сложившихся обстоятельствах не могу выполнить поставленную задачу. Противник сопротивляется так, будто у него дубленая кожа, оказывая нам жестокое сопротивление».

По мере того как акцент боев смещался к северной и восточной частям города, советские войска сумели на некоторых участках глубоко вклиниться в оборону венгров и немцев. Парировать прорывы было нечем. Лейтенант Дьёрдь Турочь вспоминает одну из советских атак:

«Было уже почти темно, когда мы заняли назначенную оборонительную позицию. Смена проходила так, что ее не выдала ни одна зажженная спичка. Пока мы на ощупь пробились вперед по траншее, соединявшей отдельные ячейки солдат, неожиданно под ногами у нас оказался необычный плотный материал с неровной поверхностью, похожей на ткань. На рассвете мы поняли, что довольно длинный участок траншеи был полностью устлан телами мертвых немецких солдат... Артиллерийская подготовка перед атакой началась в 8.45 и продолжалась целый час до 9.45. Нас обстреливали так плотно, что никто не мог пошевелиться. Потом послышался рокот танков и залпы орудий поддержки. Сами мы не имели никакого артиллерийского прикрытия и могли рассчитывать только на личное стрелковое оружие. На нашем правом фланге располагались позиции 1-й батареи. Еще правее от 1-й батареи стоял взвод стариков-ветеранов территориальных войск. Напуганные бешеным напором русских и не имея белого флага, они немедленно поднимали в сторону с грохотом наступавшего противника оторванные штанины своих подштанников... Как только атакующие русские войска увидели сигналы стариков, они немедленно сформировали пехотный клин при поддержке танков, который начал обтекать нашу оборону, пользуясь предоставленным им проходом. Боясь окружения, 2-я и 3-я батареи начали отступать...

Была уже поздняя ночь, когда мы прибыли в Пецель, измотанные как физически, так и морально. Солдаты шли в казармы и ложились спать не снимая одежды. Нас, офицеров, вызвали в замок, где находился генерал-полковник (Эрнё) Билльнитцер, командующий всеми частями штурмовой артиллерии в районе Будапешта. Дьёрдь Козма, которого назначили командовать нашей группой, доложил о том, как закончился бой у Тузберека. Люди вымотались и нуждались в отдыхе. Билльнитцер воскликнул: «Мы не можем позволить, чтобы русские вошли в Будапешт!»...

Солдат, большинство которых уже спали глубоким сном, пришлось будить. Где-то около полуночи в сырой, холодной темноте мы отправились создавать линию фронта против наступающих русских... Мы могли только гадать о расположении, огневой мощи и численности противника, пулеметы которого время от времени с лаем выбрасывали очередь в нескольких сотнях метров от нас и тут же замолкали после этого. Смертельно уставшие, мы падали на землю и немедленно окунались в бездонные сны...

Неожиданно нас разбудили. Скоро рассветет, а нам еще нужно было окопаться».

В период с 15 по 24 ноября на смену советским войскам в районе городков Ишасег и Валоко пришли румыны. Атаки не ослабели, но и оборона становилась все более упорной. В начале декабря между Маглодом и Вечешем, на менее опасном юго-восточном направлении, части венгерской 1-й танковой дивизии и приданный ей дивизион штурмовой артиллерии даже сумели нанести противнику неожиданно успешный контрудар. За тот бой капитан Генерального штаба Фридьеш Вацек был награжден офицерским крестом венгерского ордена «За заслуги».

Бреши между городами Валько и Дань восточнее Ишасега нужно было чем-то прикрыть, как и два населенных пункта, отвоеванные у противника в результате контрудара. Хотя венгерские войска и вернули Валько, полностью выполнить боевую задачу не удалось из-за нехватки в 13-й дивизии и моторизованной дивизии «Фельдхернхалле» пехоты и наличия всего нескольких танков, которые они могли выделить для поддержки наносивших контрудар пехотинцев. В результате начавшегося 18 ноября советского контрнаступления был разгромлен венгерский батальон, набранный из резервистов и штрафников, остатки которого отошли в холмистую местность к востоку от Ишасега. Здесь импровизированное подразделение сложило оружие и сдалось. Первый батальон, который только что был пополнен гражданскими заключенными и двое суток не получал продуктов, также был разгромлен, а уцелевшие подразделения 9-го пехотного полка рассеялись после многочисленных ударов советских войск.

5 декабря советские и румынские войска перешли в общее наступление в районе городка Ишасег, в результате чего им удалось вклиниться в оборону венгерских 10-й пехотной дивизии и 12-й дивизии резерва сразу на нескольких участках. Только частям 10-й дивизии пришлось в течение 45 минут находиться под огнем более ста артиллерийских орудий. На участке шириной 2,5 км семь румынских батальонов при поддержке кавалерии наступали на позиции двух венгерских батальонов. Один из батальонов потерял за один день 50 процентов личного состава, а второй батальон 8-го полка, за исключением пяти человек, перешел на сторону противника. Несмотря на то что после нескольких контратак позиции удалось вернуть, линию обороны пришлось оттянуть назад из-за значительного количества советских танков, прорвавшихся восточнее, которые подходили к небольшому городку Гёдёллё севернее Ишасега.

9 декабря немецкое командование пообещало отвести 10-ю пехотную дивизию на отдых, но этого сделать не удалось, так как советские части прорвали оборону в районе между городами Вац и Верешэдхаз. К 11 декабря бои велись уже по периметру самого Гёдёллё. После тяжелых потерь остатки полков 10-й пехотной дивизии были сведены в батальоны с менее чем половиной штатной численности личного состава (от 300 до 500 человек). Эти батальоны были приданы немецким батальонам. Поскольку единственными командными функциями дивизии остались лишь снабжение и управление, она практически перестала существовать как боевое соединение.

12-я дивизия резерва, прибывшая на этот участок в начале ноября после упорных боев в районе Дебрецена, где она была сильно потрепана, пребывала в еще худшем состоянии. Из-за непрекращавшихся ударов советских и румынских войск 12 декабря войск дивизии были вынуждены оставить Ишасег и теперь удерживали лишь небольшой пяточок земли в

гористой местности к северу от города. И даже несмотря на то, что 15 декабря в результате немецкого контрудара Ишасег удалось на время вернуть, участок фронта, на котором оборонялись ослабленные батальоны 12-й дивизии с численностью от 100 до 200 солдат, на этот момент был самым уязвимым на образовавшемся плацдарме.

ТРЕТИЙ ЭТАП СРАЖЕНИЯ

Стратегические планы советской и немецкой сторон. Прорыв фронта

Получив доклад Тимошенко от 24 ноября, где он, помимо всего прочего, рекомендовал, чтобы Малиновский не распылял силы фронта, советский Генеральный штаб подготовил приказ от 12 декабря о подготовке нового штурма Будапешта. На основе предложений Тимошенко командиры фронтов Толбухин и Малиновский подготовили подробные планы наступления силами четырех армий двух фронтов.

С юга, к западу от Дуная, где брешь в оборонительном рубеже «Маргит» прикрывали лишь 7800 измотанных солдат и офицеров, представлявших собой незначительную силу в обороне (см. табл. 6, с. 427), должны были наступать в направлении на Секешфехервар сразу два армейских корпуса. 18-й танковый корпус должен был наступать на север, к Дунаю, а 2-му механизированному корпусу предстояло развернуться на восток, в сторону Буды. Севернее Дуная в направлении на Эстергом должен был перейти в наступление 2-й Украинский фронт. Задача по захвату окруженной столицы Венгрии ставилась перед обеими группировками: 3-й Украинский фронт правым флангом должен был занять Буду, а 2-й Украинский фронт на восьмой-девятый день наступления – захватить Пешт. Для того чтобы упростить управление войсками, Толбухину еще раньше переподчинили все войска, действовавшие за Дунаем, в том числе те, что входили в состав фронта Малиновского.

Немецкое командование сумело своевременно разгадать замысел советской стороны. Управление зарубежными армиями (Восток) (Abteilung Fremde Heere Ost) рассчитывало, что начало советского наступления запланировано на 12 декабря 1944 г., о чем доложило вышестоящему командованию. Спустя два дня командующий немецкой 6-й армией генерал-полковник Максимилиан Фреттер-Пико предупредил, что 36-километровый участок рубежа «Маргит» между озером Веленце и Будапештом, который обороняли всего 2250 немецких и венгерских солдат, будет прорван после первого же удара советских войск.

Немецкое командование уже направило за Дунай значительные силы, намереваясь вернуть потерянные территории и создать вдоль Дуная устойчивую линию фронта, для удержания которой можно будет обойтись меньшим количеством войск. При этом Гудериан здесь руководствовался всего лишь соображениями сохранения жизней солдат, поскольку он всегда считал Венгрию второстепенным театром. Всего немцы сосредоточили здесь три отдельных танковых батальона, 4-ю кавалерийскую бригаду, а также 3, 6 и 8-ю танковые дивизии – всего примерно 40 тысяч солдат и офицеров и 400 танков. Позднее в этом же районе планировалось развернуть венгерскую дивизию «Сент-Ласло» («Святой Владислав»). В принципе у группировки были серьезные шансы на успех, поскольку после наступления советских войск на данном участке образовался чрезвычайно уязвимый выступ. И хотя обсуждались различные варианты действий, немецкое командование, выполняя приказы Гитлера, отдало предпочтение операции с кодовым названием Spätlese («Поздний урожай»), местом проведения которой должны были стать озера Балатон и Веленце. От идеи наступления в северо-восточном направлении пришлось отказаться, так как к тому времени плацдарм в районе Пешта стал считаться ненадежным. Из-за плохой погоды, недостатка горючего и боеприпасов наступление вынуждены были перенести сначала на 20-е, а затем на 22 декабря.

Успешные действия 2-го Украинского фронта в районе реки Ипель еще больше ослабили шансы немецкого наступления на успех. Это заставило Гудериана направить на север 8-ю танковую дивизию, а также те части дивизии «Сент-Ласло», что успели прибыть к месту развертывания, и приданные им подразделения штурмовой артиллерии. Так неожиданно эти

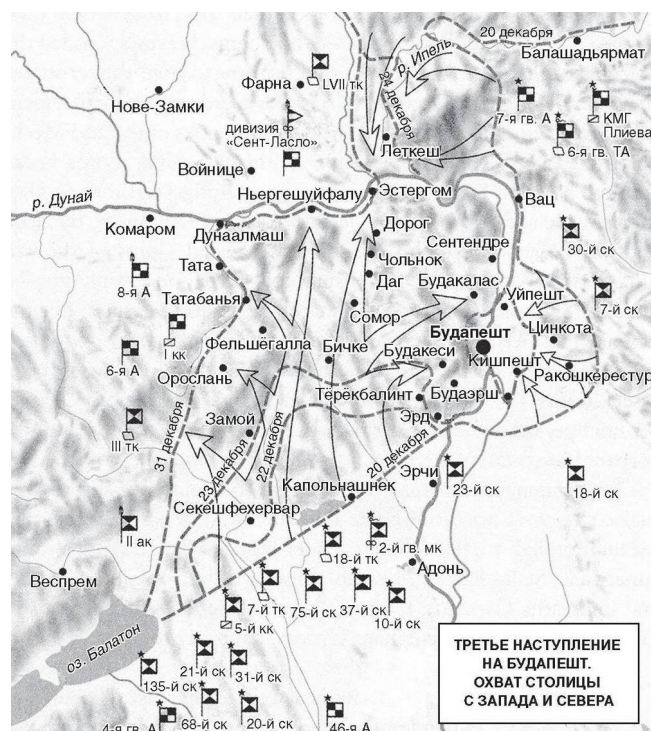
дивизии оказались раздробленными по приказу самого Гудериана. Моторизованные войска получили задачу не допустить прорыва в районе реки Ипель, в то время как оставшиеся близ Секешфехервара танки должны были с наступлением подходящего момента вмешаться в ход боев. 4-ю кавалерийскую бригаду оставили на южной оконечности озера Балатон в качестве резерва на случай чрезвычайных ситуаций. Тем самым к середине месяца основной силой в наступающей группировке стала пехота, а войска, отправленные севернее, должны были поддерживать ее действия, скорее обороняясь на своих участках, чем ведя бои в наступлении.

Позже как сами бывшие участники тех боев, так и военные историки раскритиковали Гудериана за его действия. После этого стал сказываться важный недостаток, когда переброшенные с обжитых позиций танковые и пехотные части были вынуждены вести бои в непривычной неблагоприятной обстановке и при незнакомом командовании. Основным козырем танковой дивизии является сочетание маневра и огневой мощи, но максимального эффекта в этом можно достичь только при налаженном взаимодействии с пехотой. Ведь только она способна удержать захваченные территории. Кроме того, бронированные машины могут действовать самостоятельно, имея на борту пехоту, только в действительно наступательном бою. Гудериан почему-то решил отказаться от всех этих преимуществ своих войск, и этому нет какого-либо логичного объяснения, разве что ему просто приказали так поступить. Но и в немецком Верховном командовании должны были знать, что этих сил было недостаточно для того, чтобы, с одной стороны, остановить советское наступление на Будапешт на рубеже «Маргит», а с другой стороны, не допустить прорыва советских войск в сторону Вены из долины реки Ипель. В данных обстоятельствах Гудериану оставалось лишь надеяться на чудо, которое позволит ему выиграть время и позднее самому перейти в наступление.

Но советские генералы не оставили ему этого времени. Пользуясь преимуществом большей маневренности на поле боя советских танков Т-34, они 20 декабря бросили свои войска вперед, не обращая внимания на плохую погоду. Севернее Дуная 7-я гвардейская армия 2-го Украинского фронта Малиновского уже в первый день наступления начала движение на Эстергом, а 6-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника А.Г. Кравченко захватила город Девице и форсировала реку Трон уже на второй день.

Штурм войсками 3-го Украинского фронта рубежа «Маргит» начался в 9.20 20 декабря после 40-минутной артиллерийской подготовки. 3-й Украинский фронт имел на решающих направлениях подавляющее превосходство над войсками противостоящей стороны: в пехоте и артиллерии – в 5 раз, в танках и САУ – в 3,5 раза (в пехоте в 3,3 раза, в артиллерии в 4,8 раза. – *Ред.*). Для командования армейской группы «Фреттер-Пико» советское наступление не было неожиданным, но в силу малого количества пехоты оно имело ограниченные возможности для подготовки к его отражению. Командующий венгерскими войсками в районе между озером Веленце и Барачкой генерал-майор Ласло Кессеё, скорее всего, тоже правильно оценивал обстановку, потому что 19 декабря он сложил с себя командование и отбыл в неизвестном направлении.

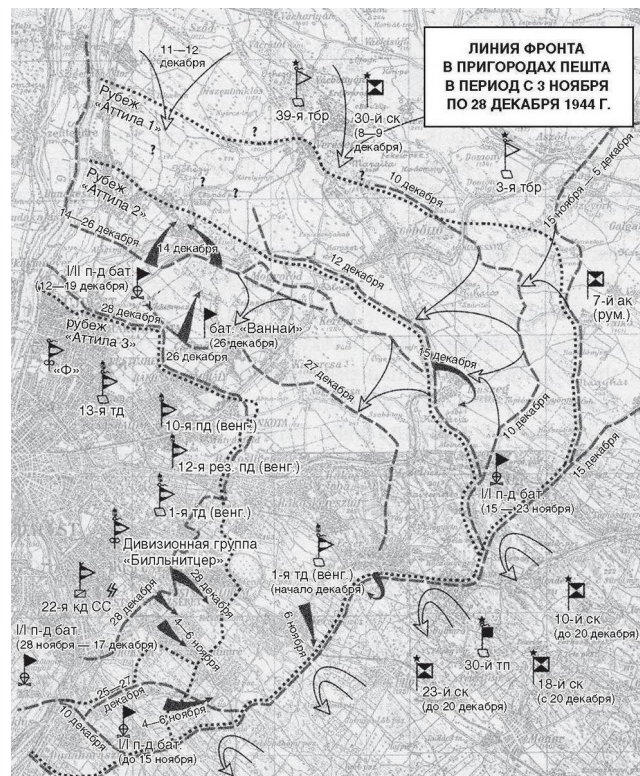
Каждый километр фронта находился под огнем от 99 до 160 орудий и минометов. Как записано в боевом журнале 1-й гусарской дивизии, во время прорыва в районе Капольнашенка, на направлении главного удара, советские генералы отправляли свою же пехоту под ураганный огонь, и тех из гусаров, которые «пытались укрыться в окопах, отковыривали оттуда русские», и «не было возможности даже выскочить из домов, которые один за другим рушились, погребая всех, кто находился внутри».

20 декабря, вопреки первоначальному замыслу, ширина прорыва на участке, где прошла советская пехота, составила всего 5–6 км. Расширить прорыв и развить наступление не позволили согласованные контратаки немецких танков. И все же яростный удар советских стрелковых корпусов подточил силу обороны немцев, у которых было слишком мало пехоты, чтобы контролировать всю занятую ими территорию. 21 декабря Толбухин отдал приказ о введении в бой механизированных соединений. 22 декабря в прорыв на участке между городом Эрд и озером Веленце устремились 82 танка 2-го гвардейского механизированного корпуса и 228 танков 18-го танкового корпуса. В результате была захвачена территория шириной 60 и глубиной 30 км. В тот же день 20-й и 31-й гвардейские корпуса, а также 7-й механизированный корпус из состава 4-й армии, в котором имелось 107 танков и САУ, нанесли удар на Секешфехервар, на улицах которого развернулись жестокие бои. На стороне оборонявшихся действовало несколько подразделений диверсантов, которые использовали захваченное советское обмундирование и танки Т-34. Все это первоначально приберегалось для запланированного немецкого наступления. Но даже эта военная хитрость не смогла надолго задержать наступающего противника. Огромные потери, которые несло советское командование, хладнокровно бросавшее своих солдат в бесчисленные атаки, можно объяснить советским менталитетом. Несмотря на провозглашенный коммунистами хорошо всем известный лозунг «Высшей ценностью при социализме является человек», человеческая жизнь сама по себе ничего не значила для сталинского руководства. В отличие от американцев или англичан Сталину не приходилось у себя в стране оглядываться на общественное мнение, а в отличие от немцев советская сторона не испытывала серьезного недостатка в солдатах. Лейтенант артиллерии Дьёрдь Турочь вспоминает:

«Перед передовой позицией находилось ясно различимое заграждение из двух рядов колючей проволоки, а перед ним – целые ряды русских солдат в самых невообразимых позах. Все они стали жертвой этой бездарно проведенной неизвестно какой по счету атаки... Выйдя из бокового ответвления в траншею, я увидел, как двое артиллеристов вытаскивают из груды мертвых тел очередную человеческую фигуру. Наверное, они порезали участок колючей проволоки и теперь волокут судорожно подергивающееся тело и укладывают его на внеш-

ний край траншеи. Молодой солдат с бритой головой и монголоидными чертами лица лежит на спине. Двигается лишь его рот. У него нет обеих ног и кистей рук. Обрубки покрыты толстым слоем грязи, смешанной с кровью и травой. Я наклонился к нему. «Будапешт... Будапешт...» – шептал он, подергиваясь в судорогах... В моей голове возникает мысль: должно быть, при слове «Будапешт» он представлял себе город с богатой добычей, красивыми женщинами. Потом, сам себе удивляясь, я вынул пистолет, дослал патрон и, прижав ствол к виску умирающего, выстрелил».

Несмотря на то что прорыв немецкой обороны занял больше времени, чем планировало советское командование, командование немецкой группы «Фреттер-Пико» никак не могло воспользоваться этой заминкой из-за отсутствия резервов. Только в районе Секешфехервара удалось несколько замедлить продвижение советских войск. Толбухин решил, что более выгодным будет сместить акцент наступления на правый фланг. Он приказал 2-му механизированному корпусу, не вступая в локальные стычки, как можно скорее выдвигаться в северном направлении на Бичке и захватить этот важный железнодорожный узел на пути в Будапешт и прилегающую к нему территорию. Пехота получила приказ к вечеру 22 декабря выйти на рубеж в 10–15 км западнее от пригородов столицы. Несмотря на отчаянные контратаки немецкой 8-й танковой дивизии, 22 декабря Бичке пал. До 24 декабря атаки советских войск фронта Малиновского и их румынских союзников не дали существенных результатов. Со стороны Буды 23-й стрелковый корпус 3-го Украинского фронта, захвативший накануне Эрд, вынужден был остановиться перед сильными минными заграждениями у юго-западной окраины города. И все же дорога на Будапешт с запада была теперь открыта.

ДИЛЕММА, СТОЯВШАЯ ПЕРЕД НЕМЕЦКИМ И ВЕНГЕРСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ

В отличие от военных ни немецкое, ни венгерское политическое руководство не были готовы к тому, что Будапешт становится прифронтовым городом. Как ни странно, но здесь позиция регента Миклоша Хорти совпадала со взглядами сторонников лидера крайне правого профашистского движения «Скрещенные стрелы» Ференца Салаши, сменившего Хорти после прогерманского переворота 15 октября 1944 г. Вскоре Салаши заявил, что «считает необходимым удерживать Будапешт только в том случае, если будет планироваться проведение отсюда наступательной операции. При отсутствии же таких намерений Будапешт, несомненно, будет эвакуирован, а сами мы должны совершить стратегический отход к Задунайским горам». Несмотря на общепринятое мнение о Салаши как о фантазере, как хорошо образованный офицер Генерального штаба в некоторых случаях он сохранял способность реально оценивать обстановку. Например, на одной из пресс-конференций в начале ноября он заявил: «Обороной Будапешта немцы хотят выиграть время».

2 ноября Салаши собрал совещание коронного совета в замке Буда. Давая присягу как лидер нации, он пространно говорил о взаимоотношениях Венгрии с Японией, после чего отбыл вместе со своей свитой, никак не прокомментировав сложившуюся военную обстановку. К тому времени из замка уже можно было расслышать раскаты орудийных залпов. 3 ноября Салаши вызвал к себе Фриснера и попросил его передать свое заявление немецкому руководству.

Фриснер по этому поводу писал:

«Учитывая тот факт, что бои уже разгораются в пригородах Будапешта, [Салаши] подчеркивает, что ответственность за это несет не он, а все это является наследством прежнего режима... Он сожалеет, что немецкое руководство слишком поздно решило вмешаться в события в Венгрии. На данном этапе нынешнее правительство может предпринять лишь попытку ограничить вредные последствия и предотвратить катастрофу нации; действительно конструктивная деятельность более невозможна».

Далее Салаши заявлял, что намерен призвать до 300 тысяч человек, но для них требуется оружие из Германии.

Нежелание Салаши оборонять столицу связана не столько со стремлением избежать разрушений, сколько с его убежденностью, что «столичная чернь» может попытаться нанести удар защитникам города в спину, а для подавления восстания у него не было достаточных сил. Его подозрения не были совсем лишены оснований, так как к этому моменту партия «Скрещенные стрелы» потеряла значительную часть популярности среди жителей Будапешта. Взгляды венгерского лидера разделяли представители немецкой группы армий «Юг», которые обратились в Берлин за инструкциями по поводу того, что следует предпринять в случае, если волнения среди населения будут нарастать. В ответе говорилось, что «столичную чернь» следует либо эвакуировать, либо держать под контролем силой. Не имея для этого достаточного количества войск, Фриснер попросил генералов СС поделиться с ним опытом по поддержанию законности и порядка в Будапеште совместно со «штурмовыми саперными батальонами, как это было сделано в Варшаве». Кроме того, он запросил разрешения Верховного командования в случае прорыва внутреннего кольца обороны отступить к западному берегу Дуная, в чем ему было отказано. Поскольку более всего Фриснер стремился избежать уличных боев, он вновь подчеркнул, что местное население не заслуживает доверия. Он мог бы принять дополнительные меры военного характера, но тогда ответственность за сдачу Будапешта легла бы на плечи его собственных солдат, а этого риска он всячески стремился избежать.

Венгерское военное руководство также отвергало идею об уличных боях, полагая, что Будапешт удастся защитить, организовав прочную оборону на рубеже «Аттила». В начале декабря венгерским дивизиям, оборонявшим столицу, было приказано разоружить рабочих общественных предприятий – таких как, например, Beszkar (Транспорт Будапешта), водителей городского транспорта, пожарных и т. д., поскольку Будапешт будет объявлен открытым городом.

Только Гитлер настаивал на обороне Будапешта. 30 октября эта задача была поставлена перед генерал-полковником Германом Брайтом, командиром III танкового корпуса, переданного на защиту венгерской столицы из 6-й армии. Корпусу придавались венгерские дивизии, отступавшие к Будапешту. Аналогичным образом 30 октября на базе венгерского 6-го армейского корпуса, а также немецких подразделений полиции и летучих отрядов, расквартированных в Будапеште, была сформирована корпусная группа «Будапешт» под командованием командующего войсками СС на территории Венгрии Карла Пфедффера-Вильденбруха. Полностью звание и должность этого человека звучали так: обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Назначение на данный пост такого опытного офицера полиции, как Пфедффер-Вильденбрух, свидетельствовало о том, что германское руководство опасалось попытки восстания в городе.

4 ноября в венгерскую столицу была введена немецкая 153-я полевая учебная дивизия, которая была бы бесполезной в противостоянии советским войскам, но очень эффективно могла действовать для подавления волнений в городе. 10 октября сюда же были переведены из Загреба командование и штаб IX горнострелкового корпуса СС, что должно было еще более усилить немецкое доминирование в корпусной группе «Будапешт». Власть венгерского коменданта города полковника Эрнэ Чипкеса теперь ограничивалась лишь административными вопросами и проблемами военной безопасности. Командование венгерского 6-го армейского корпуса полностью лишилось оперативной самостоятельности; теперь в его ведении оставались только проблемы снабжения и тыла собственных войск. Так продолжалось вплоть до 21 ноября, когда корпус организационно вошел в венгерский 1-й армейский корпус под командованием генерал-полковника Ивана Хинди, который также занимался лишь административными вопросами. Эти меры вызвали волну протеста в венгерском Генеральном штабе, так как венгерское командование теперь было отстранено от принятия решений по военным вопросам, что противоречило всем ранее принятым договоренностям.

23 ноября Гитлер издал свою первую директиву, где говорилось, что ни одно здание в Будапеште не может быть оставлено без боя. При этом солдаты не должны были считаться с потерями среди гражданского населения и материальным ущербом. Затем 1 декабря последовал его приказ № II, в котором Будапешт провозглашался крепостью, командование которой поручалось обергруппенфюреру СС Отто Винкельману, которому на тот момент уже были подчинены все части СС и полиция на территории Венгрии. Таким образом, Пфедффер-Вильденбрух и его IX горнострелковый корпус СС переходили в подчинение к Винкельману. Организационно войска, развернутые в Будапеште, входили в состав немецкой 6-й армии, однако им предоставлялась свобода действовать самостоятельно после предварительных консультаций с командованием армии. Расквартированные в столице части и подразделения должны были заниматься подготовкой к обороне зданий и городских территорий, создать систему коммуникаций, противодействовать попыткам организации в городе беспорядков, оказывая здесь содействие силам полиции и жандармерии. Согласно приказу Гитлера в город должны были прибыть специальные подразделения по подавлению беспорядков.

Отсутствие четко выраженного распределения обязанностей между представителями немецкого командования ярко иллюстрирует тот факт, что задача обороны столицы была поставлена трем разным организациям. При этом ни одна из них не получила четких

инструкций относительно того, где ее обязанности заканчиваются и передаются следующей структуре: вермахт, представленный командованием III танкового корпуса, войска СС в лице Пфеффера-Вильденбруха и корпусной группы «Будапешт» и, наконец, «дипломатическое» крыло СС, которое представлял Винкельман. Такой явный избыток командных структур можно было лишь частично объяснить почти истерическим страхом со стороны некоторых властных структур, в частности венгерских «Скрещенных стрел» и немецкой службы безопасности. Прежде всего здесь, возможно, виновато обилие в Третьем рейхе властных структур, что позволяло представителям СС, СА и местным гаулейтерам буквально захватывать различные полномочия, за которые между ними шла постоянная непримиримая борьба. И даже Гитлер, сосредоточивший в своих руках всю центральную власть, не мог хоть как-то существенно ограничить этот процесс.

4 декабря Салаши объявил, что принимает волю Гитлера, несмотря на то что Гудериан все еще продолжал настаивать на необходимости не допускать боев с противником на территории города. В этой связи было объявлено о том, что в любом из районов, которые предполагается оставить, было необходимо предварительно взрывать мосты и уничтожать объекты городской инфраструктуры. Точка зрения, согласно которой Будапешт следовало объявить открытым городом, была отвергнута немецкими дипломатами под тем предлогом, что и в самой Германии каждый город будут защищать «до последнего кирпича». Фриснер неоднократно просил, чтобы линию фронта отвели назад, но его просьбы всякий раз отвергались.

5 декабря Винкельман был вынужден оставить свой пост, на котором он продержался всего четыре дня. Это произошло оттого, что он неоднократно выражал сомнения в возможностях оборонять город и рекомендовал оставить Пештский плацдарм, что пришлось совсем не по вкусу Гитлеру. На его место Гитлер назначил Пфеффера-Вильденбруха. 12 декабря из-за сложившейся за Дунаем катастрофической ситуации командование III танкового корпуса было выведено из Будапешта (несмотря на то что дивизии корпуса остались далеко позади). Теперь командование армейского корпуса «Будапешт» и IX горнострелкового корпуса СС было сосредоточено в руках Пфеффера-Вильденбруха, который подчинялся напрямую командованию группой армий «Юг». Но, несмотря на то что Пфеффер-Вильденбрух теперь сосредоточил в своих руках всю полноту власти, Винкельман продолжал вмешиваться в его деятельность. Последний случай такого вмешательства имел место 22 декабря, когда вопреки приказам Гитлера он попытался убедить Фриснера в необходимости оставить Пештский плацдарм.

У командования группой армий «Юг» не было иллюзий относительно возможности удержать Будапешт. Еще 1 декабря Фриснер распорядился эвакуировать из города все военные и гражданские ведомства, объявив, что «все оставшиеся структуры должны быть полностью мобильными. Все немецкие женщины-служащие должны немедленно уехать. Я... возлагаю личную ответственность на командиров частей и подразделений за то, чтобы в том случае, если все же начнутся бои в городе, не было достойных жалости явлений, когда немецкому персоналу приходится спасаться бегством. Это нанесло бы ущерб репутации вермахта и всего германского рейха».

6 декабря генерал-полковник Фреттер-Пико обратился в ставку фюрера с просьбой отвести войска на внутреннее оборонительное кольцо рубежа «Аттила», поскольку он опасался советского прорыва. Гитлер отказал, так как, по его мнению, такой шаг сделал бы оборону недостаточно эшелонированной в глубину. После прорыва советских войск у Хатвана положение сразу ухудшилось. У оборонявшихся немцев и венгров не было достаточно солдат, чтобы оборудовать двадцатикилометровую линию обороны, появившуюся у северной окраины Будапешта. 9 декабря советская артиллерия больших калибров начала обстреливать северо-восточные районы венгерской столицы. Первым признаком начала борьбы не на жизнь, а на смерть было формирование немцами летучих отрядов из поваров, чиновни-

ков и механиков: так, в дивизии «Фельдхернхалле» удалось дополнительно сколотить еще семь рот, а в 13-й танковой дивизии – четыре роты. 12 декабря в последний раз был поднят вопрос о нанесении удара силами немецких войск в случае прибытия туда резервов с плацдарма у пештского моста. Однако данный замысел был снова отвергнут, не в последнюю очередь оттого, что многие испытывали сомнения, будет ли восточная часть города продолжать оставаться в руках немцев и венгров. Другими словами, оборона Будапешта уже тогда рассматривалась как обреченное на неудачу предприятие.

К началу декабря немецкая разведывательная служба абвер, где считали, что город вскоре должен пасть, начала работы по организации агентурной сети, которой была поставлена задача установить взрывные устройства на девятнадцати главных городских транспортных узлах. Кроме того, планировалось взорвать наиболее важные здания города. Управление взрывами предполагалось возложить на гражданских лиц, мужчин и женщин, специально отобранных для этих целей. Сами исполнители не знали друг друга и должны были общаться только через посредников. Тем не менее не сохранилось каких-либо достоверных данных об успешном выполнении подобных акций.

С самого начала защитникам города пришлось столкнуться с превосходящими силами противника. В период с 5 по 24 декабря семи венгерским и немецким дивизиям общей численностью 60 тысяч человек противостояли 12 советских и румынских дивизий – всего 110 тысяч солдат и офицеров. Более малочисленный немецкий контингент был взят на себя основное бремя ведения боев; ему приходилось постоянно выручать своих плохо экипированных и деморализованных венгерских союзников.

Потери венгерской стороны можно проиллюстрировать следующими примерами. 12-я дивизия резерва была разгромлена у Надьварада, где к середине ноября она потеряла половину из своих 2100 солдат и офицеров. В каждом из полков 10-й пехотной дивизии, развернутой в районе Гёдёллё, численность которой первоначально составляла 4 тысячи человек, к началу декабря осталось по одному батальону. Оба соединения оказались на острие яростных атак советских и румынских войск. Ненамного лучше обстояли дела и в немецких частях, пусть они и не попали под самый мощный удар советского наступления. За более чем три месяца 10-я пехотная дивизия, самое мощное венгерское соединение, оборонявшее Будапешт, потеряла 99,9 процента личного состава. В конце октября в ее составе было 15 тысяч солдат и офицеров, а к началу февраля от них осталось всего 18 человек.

Вызывал опасения и моральный дух в венгерских войсках. Как было отмечено в журнале боевых действий немецкой группы армий «Юг», 19 ноября к противнику перебежали 100 военнослужащих из состава 12-й дивизии. А в период с 22 ноября по 4 декабря на сторону противника перешли около 1200 солдат 10-й и 12-й дивизий. Большинство перебежчиков были либо только что призванными в армию, не прошедшими подготовки, либо военнослужащими, оторванными от своих подразделений, которых вновь бросили в бой. На подобные случаи в донесениях немцев обращалось особое внимание. Судя по их тону, по-настоящему сражались только немецкие солдаты и офицеры. При этом полностью игнорировался тот факт, что более 60 процентов пехотинцев, оборонявшихся на плацдарме, были венграми. На самом деле различные венгерские подразделения, такие как парашютисты, 6, 8 и 38-й пехотные полки, а также 10-й разведывательный батальон за свои самоотверженные контратаки отмечались в лучшую сторону даже представителями немецкого командования.

Случаи дезертирства коснулись и офицеров дивизионного звена. Так произошло с генерал-майором Корнелем Ослани, который в отчаянии заявил 26 декабря, что «не намерен разрушать собственную военную карьеру, смирившись с собственной участью». Он элегантно способом освободил себя от обязанностей командира, сказавшись больным. Его примеру последовал генерал-майор Йожеф Кишфалуди, а 15 декабря – полковник Генерального штаба ВВС Шандор Андраш. В венгерском 1-м армейском корпусе Хинди убедил капитана

Ференца Ковача временно принять должность начальника оперативного отдела, так как его предшественники, «осмотревшись, через несколько дней сбежали на запад». В 1-й танковой дивизии никто не удерживался более одного дня на должности начальника штаба до прибытия туда капитана Фриды Вацека из оперативного отдела Генерального штаба. Лишь этот офицер «не заболел» на следующий же день после назначения на эту должность.

В результате понесенных тяжелых потерь реальная сила частей и соединений совсем не соответствовала их названиям ни в количественном, ни качественном отношении. Как немецкое, так и венгерское командование пыталось срочно изыскать резервы, чтобы усилить потрепанные венгерские части, но прибывающие подкрепления приходилось сразу же бросать в бой. Не было никакой возможности создать резервы, не хватало оружия, времени на подготовку солдат. Трудности с пополнением испытывали даже 10-я и 12-я дивизии, которые должны были быть пополнены в первую очередь. Из-за плохой подготовки новобранцев и ополченцев старшего поколения солдаты в первый же день боев, как правило, бросали передний край. Венгерское командование попыталось использовать примерно 2 тысячи добровольцев из венгерских «Скрещенных стрел», собравшихся на излучине Дуная и на острове Сентендре, севернее Будапешта, которые должны были быть более стойкими солдатами. 500 подготовленных и 250 неподготовленных бойцов батальона «Ваннай» были направлены в 10-ю пехотную дивизию. Предполагалось, что вскоре подобная судьба постигнет боевиков из состава отряда «Протай» и группы «Морлин».

Но все эти меры могли лишь задержать приближение катастрофы. До декабря 1944 г. немецкие и венгерские войска израсходовали практически все тыловые запасы. И даже тем, кто хотел сражаться, пришлось выдержать одну из самых ужасных осад Второй мировой войны без всякой надежды на победу. Этими людьми двигала лишь беспримерная храбрость, рожденная отчаянием.

Глава 2 ОКРУЖЕНИЕ

ВЕНГЕРСКАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ: РОЖДЕСТВО 1944 Г. В БУДАПЕШТСКОМ КОТЛЕ

Вскоре вернулся Эдё, который принес прекрасную рождественскую елку. Он купил ее за 10 пенгё, и даже до войны она не стоила дешевле. «Ты ее достал, – сказала ему жена, – но это все равно, потому что русские уже в Будапеште». Конечно, мы думали, что это преувеличение, и не воспринимали всерьез... По будапештскому радио передавали рождественские песни в сопровождении органной музыки.

Бланка Печи

К 24 декабря 1944 г. советские войска вышли на восточные окраины Пешта, а с запада подходили к Буде. Несмотря на то что осада длилась уже шесть недель, местные жители, не обращая внимания на то, что происходит вокруг, продолжали весело готовиться к Рождеству именно в тот момент, когда первые солдаты Красной армии пришли для того, чтобы положить конец этой идиллии. Поведение немецких и венгерских военных руководителей было еще более абсурдным. Несмотря на то что их каждый день оповещали о приближении советских частей, вплоть до кануна Рождества они не направили подкреплений, достаточных для организации обороны, достойной города Буда, и не предприняли никаких других реальных усилий для того, чтобы обеспечить оборону венгерской столицы с запада. И только «благодаря» сверхпредусмотрительности советских военных, а также нехватки у них пехоты для сопровождения танковых подразделений танки Т-34 не смогли с ходу въехать в район Замка (Королевского дворца), до которого во второй половине дня Рождества им оставалось всего 3 км. Им пришлось дорого заплатить за упущенный шанс: после Рождества им понадобилось три дня, чтобы преодолеть первый из тех 3 км, потом еще 48 часов на захват следующего километра, а стен самого замка они фактически так и не достигли до самой капитуляции.

В отличие от Пешта, где немецкий Генеральный штаб имел по крайней мере хоть некоторые теоретические планы обороны, правда не предпринимая никаких практических мер, в Буде было оборудовано всего несколько траншей и построено несколько бункеров между горами Яношхедь и Хармашхатар. Оборонительные планы отсутствовали полностью.

Совершенный 20 декабря прорыв советских войск у озера Веленце заставил командование группой армий «Юг» обратиться к Гудериану с просьбой разрешить отвести на запад 8-ю кавалерийскую дивизию СС. Гудериан ответил отказом, аргументируя это тем, что данный шаг ослабит весь восточный участок обороны. 21 декабря командование группы армий «Юг» попросило разрешения передислоцировать моторизованную дивизию «Фельдхернхалле», однако Генеральный штаб вновь ответил отказом.

А в это время в результате начала советского наступления силами одного из стрелковых корпусов 3-го Украинского фронта в районе между озером Веленце и городком Мартонвашар образовалась брешь. После того как Мартонвашар был занят, фронт продолжил наступление в северо-западном направлении и в ходе его захватил несколько небольших населенных пунктов. К вечеру 22 декабря под угрозой оказались Бичке и Бия. Когда генерал-полковник Фриснер в очередном донесении, в котором снова просил отвести 8-ю кавалерийскую дивизию СС, отметил, что через несколько дней Будапешт окажется в окружении,

Гудериан и теперь отказал в выполнении его просьбы, сердито отметив: «Не могу понять, почему такая большая танковая армия, обладающая силами, которым нет равных на всем Восточном фронте, не может остановить врага». По-видимому, он забыл о том, что у танкистов здесь не было достаточных сил пехоты для сопровождения.

23 декабря в будапештской опере состоялся спектакль «Аида». Кто-то из аудитории вспоминал: «Не успел начаться второй акт, как перед занавесом появился актер в солдатской форме. Передав приветствия с переднего края полупустому залу, он выразил свое удовлетворение тем, что публика была теперь гораздо спокойнее и излучала больший оптимизм и надежды, чем это было несколько недель назад. Затем он твердо пообещал, что «Будапешт останется венгерским», что нашей прекрасной столице нечего бояться». Продолжались спектакли и в других театрах, в кинотеатрах не прекращались сеансы.

Утром 23 декабря советские войска заняли Секешфехервар. Еще через несколько часов они вышли к городам Бичке, Херцегхалом и Бия, перерезав основную железнодорожную линию между Будапештом и Веной. Свободной оставалась обладавшая гораздо меньшей пропускной способностью ветка Эстергом – Будапешт, ставшая главной артерией для снабжения столицы. Во второй половине дня немецкие войска в Херцегхаломе и Бии прекратили сопротивление. А вечером того же дня советский 18-й танковый корпус обошел Бичке и оказался за спиной оборонявшихся. Скорость этого броска можно проиллюстрировать тем фактом, что советская пехота прибыла в Бичке только утром 25-го числа. Поздно вечером 23 декабря части 2-го механизированного корпуса уже угрожали коммуникациям в районе Пати, севернее Бии. Скорость продвижения танковых частей на острие советского наступления достигала 20–40 км в сутки. Танки обходили опорные пункты немецко-венгерских войск, оставляя их частям второго эшелона. Благодаря такой тактике к утру 24 декабря они прошли через низкогорную гряду Будаи-Хедыпег от Пати до Будакеши, несмотря на то что немецкие и венгерские войска все еще продолжали оказывать сопротивления, ведя бои в окружении в районе Эрда, Тёрёкбалянта и Будаэрша, восточнее Бии.

Командование группой армий «Юг» и Пффеффер-Вильденбрух в ответ действовали нерешительно и не сумели принять адекватные меры противодействия. Они приняли решение «не допустить наступления противника на север и восток за счет быстрого маневра танковыми подразделениями моторизованной дивизии «Фельдхернхалле» в районе Бии». Для обеспечения этого из Будапешта было выведено около 12 150-мм самоходных штурмовых орудий «Хуммель» («Шмель»), 12 105-мм самоходных штурмовых орудий «Веспе» («Оса»), 10–15 танков и около 100 бронетранспортеров. Несмотря на то что группе удалось на время вновь вернуть населенный пункт Тёрёкбалянт и несколько вклиниться в передний край советских войск на северном участке, в долгосрочной перспективе она ничего не смогла бы поделить с тремя стремительно развернувшимися советскими корпусами, которые продолжали с боями двигаться вперед по направлению на Будапешт, до которого оставалось примерно 20 км. Не было особых надежд и на переброшенный из Чёмёра на сторону Пешта в долину Хювошвольд, севернее Будакеши, сильно потрепанного гвардейского батальона «Будапешт». Просьба командования IX горнострелкового корпуса СС о передислокации из Пешта 8-й кавалерийской дивизии СС, как обычно, не нашла поддержки командования. На этот раз через Гудериана пришел отказ от самого Гитлера. Вместо этого в Бичке были направлены несколько венгерских подразделений, таких как, например, 4-й и 21-й артиллерийский дивизионы, с помощью которых командование намеревалось отразить удары советских танков.

В приступе ярости Гитлер освободил от должности генералов Фреттер-Пико и Фриснера, назначив на их место генерала танковых войск Германа Балька (до этого командовал группой армий «Г» на Западе) и генерала пехоты Отто Вёлера (из 8-й армии). Но в этом не было никакого смысла, поскольку Фреттер-Пико и Фриснер уже сделали все, что было в человеческих силах. Они даже попытались предвосхитить ход дальнейших событий

в надежде на то, что Гитлер направит им в помощь резервы. Но Гитлер лишь искал козлов отпущения для непрекращавшейся череды поражений, в которых в конечном счете виноват был только он сам. Фюрер даже не потрудился объяснить причины отставки двух генералов.

В 13.10 24 декабря Гудериану позвонил начальник штаба Фриснера генерал-лейтенант Гельмут фон Грольман, который заявил: «Столица никогда не была подготовлена к обороне с запада. Командующий силами полиции обергруппенфюрер Винкельман надеется, что рейхсфюрер (Гиммлер) обязательно одобрит это решение. Решение должно состоять в том, чтобы как можно скорее снять и направить на сторону Буды не менее чем одну дивизию». Через 45 минут Гудериан под свою ответственность разрешил переброску 8-й кавалерийской дивизии СС. К тому моменту у него появились и другие немалые причины для беспокойства. Недавно начавшееся наступление немецкое наступление в Арденнах, как оказалось, было неудачным, а советские части на Висленском плацдарме (плацдармах – Сандомирском, Магнушевском, Пулавском. – *Ред.*), по-видимому, готовились наступать на Берлин. В связи с этим Гудериан предпринимал отчаянные попытки срочно свернуть наступление на Западе и перенацелить освободившиеся силы на Восток, но вовсе не в район Карпат. Он ожидал, что советское наступление начнется 12 января 1945 г., и, как вскоре подтвердилось, оказался прав. Но Гитлер продолжал пребывать в убеждении, что оборона Будапешта была важнее, чем догадки и планы Гудериана. «Это величайший блеф со времен Чингисхана. Кто придумал этот нонсенс?» – кричал он. Невзирая на протесты Гудериана, фюрер приказал, чтобы в Венгрию был направлен последний резерв на Восточном фронте IV танковый корпус СС (который по случайности был развернут как раз там, где планировалось советское наступление). Теперь, когда дела в Арденнах шли плохо, навязчивой идеей Гитлера стало одержать победу в Венгрии. С учетом того, что из всех развернутых в Карпатах войск блока 35 процентов артиллерии и 30 процентов пехоты приходилось на венгерского союзника, для Германии было очень важно продолжать получать поддержку от Венгрии. А потеря Будапешта серьезно деморализовала бы венгерских солдат.

В 16.50 советские танки уже вышли к трамвайному депо Сепилона, всего в 5 км от замка Буда. К этому времени Гитлер наконец утвердил решение о передислокации 8-й кавалерийской дивизии СС. Но, несмотря на все попытки Гудериана и Балька убедить его отвести войска с Пештского плацдарма, фюрер оставался непреклонен. Вместо этого он пообещал освободить Будапешт и отдал приказ направить в Венгрию еще две пехотные дивизии. Для него, как и для Сталина, Будапешт имел в первую очередь политическое значение. В то время как Гитлер все еще лелеял мечты удержать позиции Третьего рейха в Венгрии, Сталин старался продвинуть свои армии как можно дальше на запад, навстречу союзникам по коалиции.

Немецкому и венгерскому командованию было известно, насколько успели продвигаться советские войска. Тем не менее они ничего не предприняли для того, чтобы избежать надвигающейся катастрофы. Неудача Хинди понятна, поскольку он не обладал необходимыми полномочиями. Приказы должны были исходить только от Пфедфера-Вильденбруха. Только его личная инициатива могла бы переломить ситуацию, но, как покажут дальнейшие события, он не обладал для этого необходимыми качествами.

Посыпались заявления, будто появление советских войск в Буда стало для немецкого и венгерского командования таким же неожиданным, как гром с ясного неба. Но это откровенная ложь. Еще 23 декабря Хинди и Пфедфер-Вильденбрух знали, что советские части находятся на расстоянии 20–40 км от Будапешта. Для них не было секретом и то, что остатки немецкой 271-й народно-гренадерской (пехотной) дивизии, занимавшие позиции юго-западнее Буды, почти полностью утратили боеспособность и не представляли серьезной силы. Глава диверсионного отдела венгерского Генерального штаба капитан Золтан Мико был в курсе, что окружение неминуемо, точно так же, как и его коллеги в немецких дивизионных

штабах. Соответствующие донесения постоянно поступали не только от служащих железной дороги и местных жандармов, но и от подчиненных самого Пфедффера-Вильденбруха.

22 декабря, даже еще до того, как Будапешт оказался в полном кольце, Пфедффер-Вильденбрух потребовал наладить снабжение города по воздуху. 23 декабря немецкие противотанковые орудия были развернуты на двух участках в районе Будадьёндё на дороге на Будапешт. В тот же день тыловым подразделением венгерской 10-й пехотной дивизии поступил приказ из штаба венгерского 1-го армейского корпуса направить разведывательные группы по маршрутам Пилишчаба – Пербаль – Жамбек и Пербаль – Будапешт севернее Пати. Примерно в полдень адъютант командира дивизии лейтенант Йожеф Биро получил приказ на ведение разведки. В 22.00 начальник штаба дивизии капитан Дьёзё Бениовски лично посетил товарный поезд на станции Пилишсентиван, чтобы предупредить об опасности служащих.

Утром 24 декабря от патрулей поступили донесения о появлении советских войск, которые наступали из населенного пункта Жамбек между городами Бичке и Будапешт. И даже еще ближе к Будапешту первый квартирмейстер 1-й танковой дивизии лично наблюдал, как «немецкие противотанковые и штурмовые орудия быстро направлялись в сторону долины Хювошвольд, а немецкие и венгерские легковые и грузовые автомашины и курьеры на мотоциклах сновали взад-вперед между Хювошвольдом и Сенаплацем». Причиной было то, что немецкие и венгерские подразделения тыла, а также небоевые подразделения 13-й танковой дивизии получили приказ соответственно от Пфедффера-Вильденбруха и от венгерского командования немедленно покинуть город. Немецкое главное командование сухопутных войск по собственной инициативе решило направить в город группу подрывников военно-морских сил из Любека для подготовки к взрыву мостов в Будапеште и Эстергоме. В первый день Рождества подразделение под командованием обер-лейтенанта Тегетхоффа уже находилось в Вене. Все это еще раз доказывает, что и в ОКХ в Берлине прекрасно знали о неминуемом окружении венгерской столицы.

Характерно то, что между представителями штабов Пфедффера-Вильденбруха и Хинди никак не обсуждался вопрос о предотвращении возможной осады. В основном это объяснялось обстановкой взаимного недоверия. Со стороны Хинди сюда примешивалось еще и состояние общей апатии, нарастающее с октября. Примерно в это время Хинди практически утратил контроль над венгерскими войсками, и его роль была ограничена чисто административными функциями.

Пфедффер-Вильденбрух ни о чем не информировал своего венгерского коллегу и демонстрировал к нему явно пренебрежительное отношение. Вероятно, это было одной из причин того, почему венгерские генералы предпочитали пассивно наблюдать за развитием событий.

В то же утро подразделение жандармерии в Будапеште оповестило штаб венгерского армейского корпуса, размещенный в монастыре Нотр-Дам-де-Сион (Сионской Богоматери), о появлении поблизости первых советских танков. Командир подразделения зенитной артиллерии в южной части Будапешта подполковник Ференц Сёдьёнь не знал об этом и приказал своему адъютанту лейтенанту Гёзё Пинтеру отправиться в Будапешт и осмотреть позиции, на которых можно было бы разместить зенитные орудия. Пинтер проделал свой путь через жилые кварталы в западной части города и доехал до места под названием Седло Сепьюхёсне. Он пишет:

«Там меня неожиданно остановил первый лейтенант. Я вышел, и он спросил меня, куда я направляюсь. Я ответил, что еду инспектировать позиции в Будапеште. Было примерно половина одиннадцатого. «Вы не доедете туда, – заявил он мне, – потому что, если вы не знаете, вы уже находитесь на переднем крае». Я воскликнул: «Не может быть!» Тогда он

посоветовал: «Оглянитесь назад. За вами стоят немецкие СС...» Лейтенант упросил меня отдать ему две ручные гранаты, так как, по его словам, у него не было даже пистолета».

Вскоре после 10.30 первые советские солдаты появились в районе Седла Сепьюхёсне. К полудню сопротивление здесь было сломлено, и к 13.00 первые советские танки с грохотом двинулись по шоссе на Будакеши и вышли на пересечение с шоссе Хидекути. На бензозаправочной станции возле трамвайного депо венгерский автозаправщик только что начал сливать бензин. Завязалась упорная перестрелка между спрятавшимися за заправщиком немецкими солдатами и советскими танками, продвигавшимися вперед без поддержки пехоты. А в это время бензин стекал из заправщика прямо на дорогу.

Советская пехота вскоре подключилась к наступлению из Будакеши. Некоторые пехотинцы пытались двигаться за танками по шоссе, но не успевали за техникой. Другие направились через парк Будакеши в сторону Швабского холма. К концу первой половины дня восемь зенитных орудий, развернутые на Чиллеберк, также были атакованы советской пехотой. Поскольку позиции не позволяли вести артиллерийский огонь под острым углом, расчеты уничтожили замки орудий и отступили. К началу второй половины дня, по свидетельствам очевидцев, гражданские лица, ожидавшие поезда на станции Сечении-Хеги «зубчатой» железной дороги, неожиданно с изумлением обнаружили, что среди них продвигаются вперед автоматчики из передовых подразделений наступающей советской пехоты. Но военное командование, которое прекрасно знало об угрозе советского штурма, не сумело вовремя предупредить свои разбросанные подразделения, что привело к фатальным последствиям для многих.

Проделав долгий и тяжелый путь, лейтенант Пинтер снова оказался на улице Хидекути. 88-миллиметровое зенитное орудие перед аптекой в квартале Сепилоне только что заставило загореться советский танк. Чуть выше по улице, вдоль улицы Будакеши пылали еще три или четыре советских танка. Через несколько кварталов, на улице Тарогато, советские снаряды вдруг начали ложиться у здания пункта скорой помощи. На звонок в штаб дивизии «Фельдхернхалле» ответили, что положение остается стабильным и не стоит ни о чем беспокоиться. Когда водитель машины скорой помощи сообщил, что всего в нескольких километрах к западу он попал под обстрел, никто ему не поверил. Немецкий главный военный врач снова позвонил в штаб дивизии, где ему объявили, что «речь идет о патологических фантазиях». В тот же самый момент перед зданием разорвался снаряд, который разнес все стекла в окнах и нарушил телефонную связь.

Примерно в это же время служащий транспортной компании позвонил в штаб венгерского армейского корпуса, разместившийся в монастыре Сионской Богоматери, с конечной остановки трамвая номер 81 в квартале Зуглигет: «Вы знаете, что русские уже здесь? Они здесь, на остановке, сложили свои винтовки и распределяют продукты. Что мне делать?» Капитан Ференц Ковач, которому пришлось отвечать на этот звонок, смог лишь посоветовать: «Ничего. Постарайтесь не вызывать подозрений, тогда с вами ничего не случится. Это все, что я могу для вас сделать». После этого Ковач сам начал звонить по телефону, чтобы попытаться выяснить, что происходит. Несколько раз ему отвечали на русском языке. «Сделав телефонные звонки, я отправился с докладом к начальнику штаба корпуса капитану Шандору Хорвату. Он так же удивился и так же ничего не мог сделать. Он мог бы поговорить с Линденау, но вместо этого предупредил меня, чтобы я ничего не сообщал немцам». Примерно в той же манере о подходе советских войск узнавало и немецкое командование: по телефонному звонку полицейского, который находился в трамвайном депо в Сепилоне, и был очень напуган, когда первый танк Т-34 взял его на прицел пушки.

В тот же день командование немецкого корпуса начало передислокацию в Буду 8-й кавалерийской дивизии СС, несмотря на то что разрешение Гитлера последовало только сутками позже. Разведывательный отряд, собранный из резерва, занял огневые позиции в Хюво-

швольде и на холме Рожадомб, а подразделение зенитчиков вскоре развернулось на площади Морица Жигмонда. И все же передислокация осуществлялась довольно медленно, так как ей препятствовали транспортные пробки и толпы горожан, спешивших за рождественскими покупками. Примерно к 6 часам вечера с пассажирами фуникулера на Швабском холме, возвращающимися с рождественскими подарками по домам, произошел любопытный случай. На остановку, где все еще продавались рождественские елки и жареные каштаны, без единого выстрела вышла разведгруппа в составе восьми человек под командованием старшего лейтенанта А.И. Козлова. Гражданские лица не обратили внимания на советских солдат, одетых в зимние белые маскировочные халаты. Поезд уже успел отправиться, когда один из пассажиров заметил, что под белыми масхалатами солдат было надето не немецкое и не венгерское обмундирование. Началась паника, кто-то рванул за ручку ручного тормоза, и в этот момент советские солдаты прыгнули с поезда, предварительно освободив нескольких пассажиров от наручных часов. Когда поезд снова тронулся с места, охранник предупредил новых пассажиров, желавших влезть в вагон, что движение теперь контролируют советские солдаты. Новость распространилась в осажденном городе со скоростью пожара.

На площади Сена происходили бурные сцены. Лейтенант артиллерии Бела Чечидловски вспоминает:

«Люди очень нервничали. На улице Оштром члены партии «Скрещенные стрелы» садились в машины и исчезали в неизвестном направлении. Я видел, как полицейский тащит на плече мешок с мукой. Тогда я понял, что же, бог мой, здесь происходит... Командир минометной батареи Тасило Тарнай находился на позициях; батарея вела огонь по Хювошвольду. Гостиница «Зольд Хордо» была открыта, и мне удалось там поесть гуляш».

Между 15.00 и 16.00 у трамвайного депо «Сепилона» вспыхнула перестрелка между наступающей советской пехотой и прибывающими на позиции немецкими подразделениями. В это же время на Швабский холм, где располагалась группа боевиков партии «Скрещенные стрелы», поступил сигнал тревоги. Группа, которую возглавлял руководитель пропаганды партии «Скрещенные стрелы» Антал Оштиан, возможно, пыталась ускользнуть из столицы, но оказалась втянутой в перестрелку с советскими подразделениями возле остановки фуникулера «Холм Сечени». Во время боя несколько боевиков, в том числе и сам Оштиан, были убиты. Оставшиеся в живых заняли оборонительные позиции в садах вдоль улицы Мартонхедь.

В 17.00 по указанию министра по мобилизации Эмиля Коваржа были подняты по тревоге методом «снежного кома» (когда каждый, кто получил сигнал, обязан передать его двум своим товарищам) члены 1-го университетского штурмового батальона. Подобный способ позволил собрать все три роты ополченцев в течение одного часа. Несмотря на то что руководитель молодежного крыла партии «Скрещенные стрелы» Иштван Жако предложил студентам покинуть столицу вместе с подлежащими эвакуации другими военизированными формированиями, командир батальона лейтенант Дьюла Элишер решил, что его подразделение останется в городе. На грузовиках студенты примерно в 20.00 прибыли из Хювошвольда в пригород Будадьендьё. Рядовой Дьюла Камочай вспоминает:

«Посмотрев дальше, туда, где пересекаются Будакеши и Хидегкути, мы увидели что-то похожее на течение реки, только река была охвачена огнем. Что-то там горело очень интенсивным синим пламенем... «Не беспокойтесь, парни, наши машины достаточно большие. Итак, время 20.05, направление – туда, где горит» – с этими словами он (Элишер) сел в первый грузовик, который направился прямо в огонь... Мы успели попасть в самую неразбериху, в самое пекло. Неожиданно вперед выпрыгнул немецкий солдат с криком «Стоп!». Водители дали по тормозам, вокруг извивались полыхающие сполохи огня. Один из немцев сказал, что было много раненых, они принялись сноровисто хватать и бросать в открытый

прицеп грузовика позади нас, где мы хранили несколько бочек с дизельным топливом, тела полумертвых несчастных.

Пока мы так стояли две-три минуты, в течение которых продолжалась погрузка, я посмотрел направо, в сторону улицы Будакеши, и увидел у поворота три сожженных танка... Наверное, когда эти танки получили попадание, топливо из них попало на дорогу, а потом загорелось после взрыва гранаты».

Студенты закрепились на Хювошвольде и направили патрули в сторону Сепилоны и Будадьёндё. Один из патрулей захватил в плен двоих гражданских, которые разговаривали на русском языке; второй с помощью ручной гранаты подорвал советский танк в районе Будадьёндё. Батальон жандармерии, который в тот же вечер собрался у Кровавого Луга (сквер Вермезё) и занял позиции у академии Бойяи, больницы Яноша и фуникулера, тоже приступил к ведению разведки.

Следуя полученным от немцев указаниям, 600 солдат батальона должны были удерживать фронт на участке 4–5 км в сторону северной окраины Будаэрша, а на следующий день – принять участие в контратаке. В восемь часов вечера студент Ласло Золнаи отправился навестить родственников в квартале Пашарет и отметил по пути царивший повсюду хаос:

«Я попробовал пройти по проспекту Олас. На всю ширину улицы растянулись массы военных, пешком и на машинах. Здесь же шли крестьяне-швабы, спасавшиеся бегством из Будакеши, в основном пешком. Свои пожитки они несли на себе. В этом повсеместном всепоглощающем потоке было невозможно обнаружить даже маленькую брешь. Испуганные крики пытавшихся спастись людей сопровождалась все более громким грохотом оружейного огня и взрывами со стороны Сепилоны. Я попытался проложить себе путь, свернув на Варошмайор, но и здесь были видны целые легионы беженцев, двигавшиеся в сторону центра.

Я продолжал пробиваться вперед по одной из боковых улиц... с пистолетом в руке... Когда я вышел на площадь Марцибани, то вынужден был остановиться после того, как меня ослепил яркий луч света. После этого я разглядел, что вся площадь заполнена ожидающими чего-то военными.

К счастью, меня допрашивал венгерский офицер. Я сказал ему, что пытался пройти в квартал Пашарет, чтобы встретить там Рождество, но не смог найти дорогу. Он не стал требовать от меня документы, но выразил сомнение в том, что мне удастся пройти туда... потому что русские уже находятся на площади Пашарети и вскоре меня убьют по дороге либо те, либо другие».

В тот же день советское командование предприняло решительные атаки на Пештский плацдарм с целью не дать немцам перегруппировать силы. Одновременно начались регулярные обстрелы города. Командующий советской группировкой в Будае тем не менее принял решение сделать остановку в Сепилоне. У него были для этого веские причины, так как к тому моменту к Будае вышли лишь двадцать советских танков при минимальной поддержке пехоты. Уличные бои танкистам пришлось вести самостоятельно, что чревато серьезными последствиями на узких проходах между домами – это слишком рискованно. Поэтому советские войска уже успели потерять несколько своих Т-34, хотя они пока и не углублялись в город слишком далеко. Без поддержки пехоты было сомнительно, что им удастся удерживать даже те кварталы Будае, которые они уже успели захватить. Различные источники объясняют это по-разному. Некоторые утверждают, что советским солдатам неожиданно навстречу попались гражданские лица с ценным имуществом и они приостановили наступление, чтобы иметь возможность пограбить. На самом деле они не останавливались для того, чтобы заняться грабежами, а, наоборот, стали грабить, потому что были вынуждены остановиться и дожидаться подхода главных сил.

Для одной группы людей более, чем для всех других, а именно для евреев, приход Красной армии означал освобождение. В отличие от военных руководство партии «Скрещенные стрелы» было застигнуто появлением советских солдат в Буде врасплох, и из-за этого многие потенциальные жертвы сумели избежать своей печальной участи. В первую очередь это, конечно, питомцы еврейского детского дома на улице Будакеши, где родители оставили их, прежде чем сами были депортированы или помещены в гетто. Ранним утром 24 декабря боевики «Скрещенных стрел» ворвались в здание и стали строить детей, однако, услышав звуки нарастающей канонады, решили отступить. Чуть позднее те дети видели, как на улицу с грохотом выкатывались первые советские танки. В то же утро молодчики из «Скрещенных стрел» объявились в детском доме на улице Михая Мункачи в Буде. Они отвели детей вместе с воспитателями, всего более 100 человек, во двор казарм Радецкого, где их уже ожидал заранее приготовленный пулемет. Однако, когда рано утром сюда дошли новости о подходе советских войск, массовое убийство решили отменить и группу отвели в гетто в VII округе. К сожалению, тысячи других евреев не дожили до советской победы. Об их судьбе будет рассказано далее.

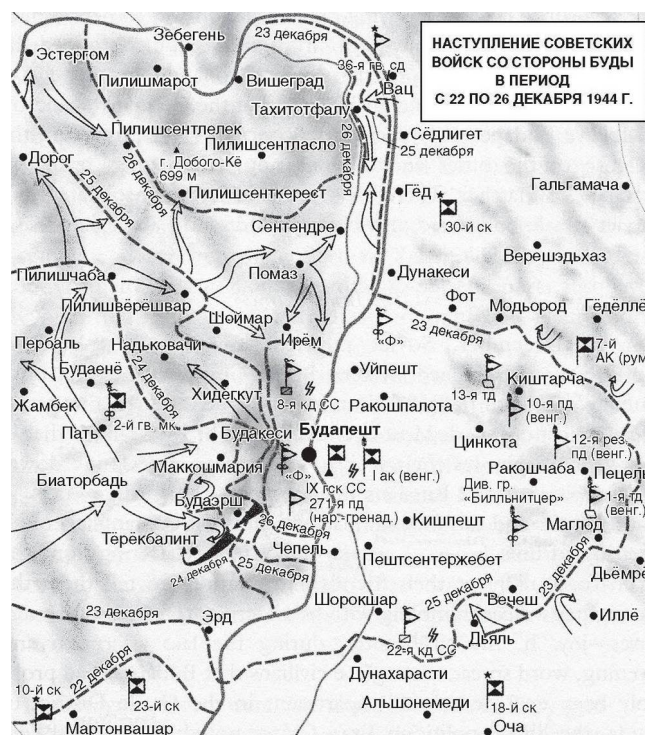
ОКРУЖЕНИЕ БУДЫ

В рождественские праздники немецким и венгерским солдатам западнее Будапешта не удалось совладать с натиском советских войск, которые наступали в северном направлении на Дунай и Эстергом. 133 танкам и 19 тысячам пехоты 3-го Украинского фронта Толбухина противостояли не более 91 танков и штурмовых орудий и примерно 3700 слабо подготовленных солдат (см. табл. 7).

24 декабря некоторые части и подразделения советских 18-го танкового и 31-го стрелкового корпусов наступали в восточном направлении на Буду, не встречая значительного сопротивления противника. Часть войск упорно продвигалась в северном направлении вдоль кромки Будских холмов. Во второй половине дня наступавшая из Пати 32-я механизированная бригада на подступах к Буде вышла к Пербалю и Току; передовой батальон 110-й танковой бригады занял Тиннье; 181-я танковая бригада пересекла границу графства Комаром-Эстергом у Сомора, а 170-я танковая бригада прорывалась к Байне. К вечеру авангарды вышли к Ясфалу, а головные танки огнем орудий уничтожили паровоз последнего поезда из Эстергома в Будапешт, заставив пассажиров разбежаться в поисках убежища по близлежащему поселку. К ночи дорога на Вену находилась под периодическим обстрелом в районе Пилишфёрёшвара, где зловещие отблески советских сигнальных ракет освещали хаотическое движение сталкивающихся друг с другом машин, уезжавших прочь от таможенного пункта Ирём и вынужденных повернуть обратно на Пилишфёрёшвар.

Рано утром 25 декабря один из флангов советских танковых частей достиг Татабани, Тарьяна, Сомора, Дата и Чольнока. Остальные, продвигаясь на север, пересекли железную дорогу Будапешт – Эстергом примерно на полпути между городами. После этого большая часть войск продолжила наступать на Дорог, в то время как правое крыло наступающих развернулось на восток в направлении на населенные пункты округа Пилиш и к излучине Дуная. В семь часов утра правое крыло наступающих практически без сопротивления заняло Пилишчабу, после чего продолжило наступать через лесистые горы на Пилишфёрёшвар. Вечером танки вошли в Пилишсентиван, а еще через несколько часов перерезали мощенную щебнем дорогу, которая вела из Помаза через Пилишсенкерешт в Эстергом; той же ночью некоторым подразделениям удалось вклиниться и в сам Пилишфёрёшвар. На юго-восточной окраине Дорога наступление 170-й советской танковой бригады до вечера сдерживали немецкое зенитное орудие и несколько венгерских штурмовых орудий. Танкисты потеряли 4 танка Т-34. После того как были захвачены несколько поселков западнее Дорога еще днем, к 19.30 в руках Красной армии оказался и сам Дорог, на железнодорожной станции которого были брошены несколько сот вагонов с имуществом.

В 1.00 26 декабря советские войска вышли к Эстергом-Табору, и уже утром началась осада Эстергома. Офицеры расквартированной в городе 23-й дивизии резерва приняли решение сдаться, но командир никак не решался отдать соответствующий приказ. Наконец, когда бои были уже почти в самом разгаре, он решил отказаться от ранее принятого решения, которое сам же утвердил всего несколько минут назад, поскольку оно шло вразрез с понятием присяги офицера и верности немецким братьям по оружию. Дивизия, в которой почти не осталось боевых подразделений, в последний момент отошла за Дунай. В 7.30 отошли и немцы, взорвав за собой мост Марии-Валерии. Через несколько часов весь Эстергом был уже в руках советских войск. После взятия Эстергома замкнулось внешнее кольцо окружения вокруг Будапешта.

Утром 27 декабря советская 170-я танковая бригада продолжала продвигаться в западном направлении. В ходе наступления танкисты захватили на станции Шюттё три эшелона с ожидавшими ремонта немецкими танками и бронетранспортерами.

Немецкая дивизионная группа «Папе», прибывшая в этот район в период с 24 по 26 декабря, которая состояла из остатков трех танковых дивизий на танках «Пантера», трех батальонов, переброшенных из Будапешта 24 и 25 декабря, нескольких танков, предназначенных, но так и не отправленных в 8-ю кавалерийскую дивизию СС и 13-ю танковую дивизию, а также нескольких «летучих отрядов», с трудом сумела блокировать проходы в низких (до 480 м) горах Вертеш и прикрыть район Тата – Табанья. Не имея пехоты, группа не могла контратаковать и испытывала все большие сложности даже с возможностью удерживать занятые территории. Ситуация становилась все более опасной, пока начиная с 28 декабря сюда не начали по частям прибывать подкрепления, с помощью которых советское наступление удалось остановить у восточных окраин Комарома (на словацкой стороне Дуная – Комарно. – *Ред.*).

Советское командование предвидело, что немцы попытаются деблокировать Будапешт, и решило в первую очередь сосредоточиться на укреплении обороны на внешнем кольце окружения, а не пытаться наступать дальше. После этого фронт стабилизировался, и советские атаки продолжались только между Мором и озером Балатон.

Внутреннее кольцо

24 декабря советские механизированные части, в основном из Будапешта, вышли в западную часть Буда. Канун Рождества пришелся на воскресный день, но улицы были почти пусты, лишь иногда слышалась отдаленная артиллерийская канонада. Большинство жителей вряд ли понимало, что уже через несколько минут мир для них перевернется. Те, кому удавалось заметить русских, быстро перемещавшихся в своих ватных телогрейках за оградой садов с автоматами с необычными круглыми магазинами в руках, или кого привел в ужас грохот танков, разьежавших по главной улице, звонили друзьям и родственни-

кам, чтобы дрожащим от волнения, страха, а в некоторых случаях и радости голосом предупредить их о случившемся. В центре города во второй половине дня среди гражданского населения поползли слухи о том, что Будапешт, возможно, окружен. В своей квартире в районе Замка в городе Буда либеральный политический деятель Имре Чечи отметил: «Пушки грохотали непрерывно до самой полуночи. Иногда мы слышали даже пулеметные очереди. Это было самой прекрасной рождественской музыкой. Неужели нас почти освободили?... Помоги нам, Боже, положи конец правлению этих бандитов. Пусть к утру огонь станет ураганным и город падет». Другие были более осторожны в оценках: «Мы так боялись русских, что даже разобрали рождественскую елку».

На рассвете 25 декабря советские части, пробивавшиеся в северном направлении через лесистую местность из Сепьюхасне в направлении на Хювошвольд, окружили взвод венгерской центральной боевой группы под командованием Пала Проня, который находился на дежурстве на вилле на перекрестке улиц Хидегкути и Надьковачи. Бойцы из «Скращенных стрел» продолжали сопротивляться до утра 26 декабря, сначала в парке, а потом на самой вилле, после чего все они, примерно пятьдесят человек, были уничтожены.

Южнее советская артиллерия, развернутая в Бии, вела огонь по Будаэршу, а потом и по Тёрёкбаинту. Другие советские части, те, что вели бои между Мартонвашаром и Дунаем, получив новые резервы с острова Чепель, продолжили наступление на север и заняли пригороды столицы Будапешт и Дудафок, что создало угрозу для района Келенфельд. По советским источникам, венгерский 206-й зенитный дивизион не подчинился приказу об отходе и со всеми 16 орудиями перешел на сторону противника в районе севернее Эрда.

Командование немецкого корпуса, переоценивая свои шансы против, как считал Пфеффер-Вильденбрух, уступавшего количественно противника, попыталось остановить советское наступление контрударом из Тёрёкбаинта. Однако остатки 271-й народно-гренадерской дивизии, отступавшие с юга, а также батальон полиции «Галантай» перестали представлять собой серьезную военную силу. Командовавший позицией зенитных орудий в лесистой местности Камара-Эрдё лейтенант Денеш Хорват уже готовил защищенные гранитом орудия к взрыву, когда его батарее был отдан приказ поддержать запланированную контратаку:

«Немецкие пехотинцы должны были прибыть на артиллерийские позиции примерно к 21.00. Их задачей было обеспечить нам поддержку пехотой. По возвращении с командного пункта немцев я приказал шести орудиям одной из наших батарей подготовиться к ведению огня. Командир взвода фельдфебель Герхард... доложил, что к позициям нашей артиллерии у шоссе движется неорганизованная группа численностью от 150 до 200 человек. Я решил, что это и есть подразделение пехоты, приданной нам для поддержки во время контратаки, которая состоится предстоящей ночью. Но когда головная часть группы приблизилась на расстояние примерно 100 м от позиций орудий, при свете сигнальной ракеты мы увидели, что это были русские. В тот же момент мы попали под очень плотный пулеметный и минометный огонь, на который наши ошеломленные солдаты тут же стали отвечать из всех видов оружия, оказавшегося в нашем распоряжении. В это время из Тёрёкбаинта прибыл немецкий взвод, но его солдаты находились настолько в измотанном состоянии, что смогли лишь прикрыть отход артиллерийских расчетов. Советские подразделения ворвались на позиции и захватили некоторые расчеты в плен».

В то же утро советский 18-й танковый корпус продолжал продвигаться в северном направлении, а 2-й механизированный корпус, имея в своем составе примерно 80 единиц бронированной техники, вышел к северным и западным районам города Буда, захватив поселки Пештхидегкут и Надьковачи. Рано утром советские солдаты подняли красный флаг на обзорной башне холма Яноша; при этом они сожгли ресторан у основания башни. К вечеру большая часть района Будафок, а также железнодорожная станция следующего при-

города Альбертфальва также перешли в руки русских. Советская пехота захватила территорию больницы Яноша и с территории церкви начала обстреливать проспект Олас и район Варошмайор. И только наступавшие в Будапешт группы танков в тот день и ночь не предпринимали попыток дальнейших атак, удовлетворенные тем, что им удалось закрепиться на улицах Будапешта и Хидегкути.

Подразделения 8-й кавалерийской дивизии СС, а также три венгерских батальона срочно перебрасывались на помощь университетскому штурмовому батальону, однако все эти войска вряд ли могли бы серьезно укрепить оборону Будапешта. Имея в своем распоряжении вышеперечисленные подразделения, усиленные семью штурмовыми орудиями и взводом городской комендатуры, подполковник Ласло Верешвари предпринял в районе захваченного советскими войсками Зуглигета успешную контратаку, в результате чего ему удалось восстановить тонкую линию сплошного фронта. Подразделения батальона «Ваннай» нанесли удар из района Варошмайор и выбили советскую пехоту, укрывавшуюся на территории больницы Яноша. Несколько орудий 1-й группы штурмовой артиллерии взяли под контроль подступы к Хювошвольду. 24 декабря передовые подразделения советской пехоты заняли монастырь на холме Шваб-Хедь (Швабском холме). Когда туда подошел жандармский батальон из Шекелиудвархели, его бойцы с удивлением обнаружили, что здесь их уже поджидали советские солдаты. В упорном бою с применением автоматного и пулеметного огня жандармы понесли тяжелые потери и были вынуждены отойти назад на всех участках. Вечером в район холма Рожадомб подошли первые подразделения немецкого летучего батальона «Европа». Они заняли оборону между улицей Бимбо и проспектом Оласа, сменив там студентов. Местные жители неожиданно оказались на самом переднем крае. Проживавший здесь Эндре Сашвари вспоминает:

«Утром 25 декабря трое из четырех наших жандармов бежали по улице Бюрёк с криком: «Русские идут! Спасайтесь!» Через час появился усталый мужчина в комбинезоне механика, который попросил поесть, поскольку ему пришлось надолго застрять в районе улицы Мартонхедь. Он рассказал, что его приятель тоже прячется где-то по соседству. Возможно, они были из танка «Туран», который занимал позицию у остановки зубчатой железной дороги. (Средний венгерский танк, созданный на базе чехословацкой машины S-2C (Т-21). Вес 18,2–19,2 т (модификации «Туран I» с 40-мм пушкой и «Туран II» с 75-мм пушкой). Лобовая броня 50–60 мм. Венгры поставили на разработанный чехословаками танк свои пушки и двигатель. Назван танк в честь прародины кочевников-венгров в Центральной Азии, откуда они двинулись в Центральную Европу. Всего было выпущено от 454 до 459 «Туранов», а также 66 самоходных установок (штурмовых орудий) «Зриньи» на его базе, оснащенных 105-мм гаубицей. Сохранившиеся экземпляры танка «Туран» и самоходки «Зриньи» стоят в танковом музее в Кубинке. – *Ред.*)

После обеда мы слышали какой-то грохот со стороны улицы Бюрёк... Я выглянул в окно и увидел, как большая группа немецких солдат остановилась прямо перед нашим домом. Впереди показался офицер, который спросил: «Где русские?» Потом он попросил воды и сообщил: «Будапешт окружен». Наконец они отправились бегом куда-то в сторону холма Шваб-Хедь. Когда они были у дома номер 71, внезапно послышались выстрелы.

Но гражданские жители тех районов Будапешта, которым «посчастливилось» оказаться в центре событий, по большей части отказывались признавать происходившее: «Жители одного из зданий пожаловались Дьюле Элишеру (командиру студенческого батальона), что группа его людей, которой было приказано идти в бой, несколько раз выстрелила в кучу песка на обочине дороги, чтобы проверить оружие. Когда же гражданским говорили, что Советские находятся всего в нескольких сотнях метров отсюда, все они изумлялись». До 25 января патрули студенческого батальона удерживали рубеж от больницы Яноша вдоль квартала Липотмезё до улицы Пустасери практически без всякой поддержки. И только по слу-

чайности командир минометной батареи 21-го артиллерийского дивизиона Тасило Тарнаи, поняв, что советские пехотинцы начали атаковать, и задействовав свои минометы, сумел не допустить нового захвата больницы Яноша.

К 25 декабря трамваи по улицам города ходить перестали. Рано утром несколько трамваев попытались выйти на линию, но они тут же были остановлены непрекращавшимися разрывами снарядов. Единственным видом транспорта, который все еще продолжал работать, был пригородный поезд между Будапештом и Сентендре, а также (по крайней мере по утрам) небольшие суда на Дунае. Но, несмотря на непрерывный обстрел, продолжали подаваться электричество, вода и газ. По внешнему обводу обороны, по улице Иллёи люди, изгнанные из своих домов в районе Пештсентимре (Пештимре), где проходил рубеж «Аттила», бежали в сторону внутренних районов города.

Несмотря на то что к этому времени разместившееся в замке города Буда немецкое командование находилось менее чем в 3 км от передовой, только после всех этих событий в Буда стали прибывать резервы. Советские войска, в основном пехота, стали отходить от линии фронта, которую каждые четыре-пять часов патрулировали значительные силы немцев. Поскольку каждая из сторон считала, что противник располагал большими силами, никто не пытался завязать серьезный бой.

Вечером 24 декабря из Будапешта в Эстергом были отправлены отделения гестапо, дивизионные ремонтные и тыловые подразделения. К ним присоединились несколько тысяч функционеров партии «Скрещенные стрелы» со своими семьями, в том числе молодежного крыла партии. По приказу министра по мобилизации Эмиля Коваржа венгерские новобранцы (всего от 1500 до 2000 человек), которых обещали направить в 10-ю пехотную дивизию, также были отведены в тыл, однако благодаря расквартированному в Буда венгерскому 8-му пехотному полку их вернули обратно, как того требовали представители командования дивизии. Вечером 25 декабря два танка PzV «Пантера», переданные венгерской стороне для проведения разведки, беспрепятственно прошли через Пилишсенткерешт и на следующий день вышли на линию обороны венгерских войск на Дунае у Комарома, к западу от Эстергома. С наступлением темноты из Сентендре вышел последний пригородный поезд с затемненными окнами, переполненный беженцами.

Утром 26 декабря советские войска захватили Пилишвёрёшвар и, практически не встречая сопротивления, заняли поселки Чобанка, Ирём, Помаж и Будакалас. Большинство поездов с беженцами благополучно достигли Помажа. Те же, кто двигался по дорогам, обнаружили, что дороги на Эстергом были либо перерезаны советскими войсками, либо блокированы скопившейся там немецкой и венгерской техникой. И лишь немногим посчастливилось избежать встречи с советскими танками и благополучно прорваться через кордоны.

Последняя группа из членов партии «Скрещенные стрелы» пыталась бежать из города в деревню у горы Добого-Кё. Отсидевшись какое-то время в гостинице для туристов, они разделились: часть чудесным образом 28 декабря вышла на немецкие позиции у Комарома, остальные были возвращены на фильтрационных пунктах обратно в город, где они стали избавляться от форменной одежды. Отступавший с острова Сентендре венгерский батальон попытался прорваться к Эстергому, но по просьбе венгерских властей городка Сентендре принял решение сдаться. Примерно в 12.30 перед пресвитерией Сентендре появилось первое казачье разведывательное подразделение. 27 декабря советские танковые части также вышли на этом участке к Дунаю. Теперь окружение Будапешта было полным.

25–26 декабря немцы и приданные им четыре венгерские саперные роты начали эвакуировать остров Сентендре. Советская 25-я гвардейская стрелковая дивизия, которая переправилась через приток Дуная в районе Ваца, начала вести разведку острова 25 декабря, а уже на следующий день сюда же подошли более крупные силы. В одной из перестрелок подразделение гвардии сержанта Кушабая Зязикова (то есть отделение – всего несколько

человек. – *Ред.*) захватило в плен большую часть роты (до 200 человек. – *Ред.*), оборонявшей берег Дуная, за что сержанту присвоили звание Героя Советского Союза. В Тотфалу русских принял местный приходской священник с нотариусом. Не причинив никому вреда, те потребовали, чтобы все мельницы стали молоть муку под охраной венгерских национальных гвардейцев, которые в качестве опознавательных знаков имели белые повязки на рукавах. Заминированный мост у Тахи спасла местная жительница Изабелла Борош, перерезав провода. Разоружение попавших в ловушку в излучине Дуная немецких и венгерских солдат продолжалось до 30 декабря. В период с 24 по 30 декабря, по советским данным, в плен здесь было взято 5390 человек. Наконец 3 января 1945 г. был занят Кишороси, расположенный на оконечности острова.

ОСАЖДАЮЩИЕ И ОСАЖДЕННЫЕ

Немецкие и венгерские войска

Споры о том, сколько же точно войск обороняло Будапешт, продолжают до сих пор. Современная печать упоминает о взятых в плен примерно 70 тысяч человек. Малиновский докладывал о 188 тысячах защитников города и 138 тысячах пленных. По данным немецкой группы армий «Юг», по состоянию на 31 декабря 1944 г. речь шла о примерно 50 тысячах венгров и 45 тысячах немцев, оказавшихся в кольце окружения. Командование венгерского I армейского корпуса также сделало несколько попыток сосчитать своих солдат, но от этого путаница и разнобой в данных только усугубились. Даже начальник штаба корпуса Шандор Хорват был вынужден признать: «За семь недель осады мне не удавалось получить заслуживающую доверия информацию о численности своих частей на поле боя и в тылу, о положении с оружием и боеприпасами. Квартирмейстер корпуса капитан Генерального штаба Дежё Немет после нескольких попыток смог лишь установить, что пайки выдавались примерно на 40 тысяч солдат». Такой разброс в данных нельзя объяснить лишь потерей документов. Было бы неверным и оспаривать его утверждением, что первоначально I венгерский армейский корпус представлял собой лишь управленческую единицу без войск. И запертые в Будапеште войска поступили под его командование лишь «благодаря» советскому наступлению. Однако верно и то, что в Будапеште корпусу «принадлежал» только гвардейский батальон «Будапешт» и что в нем так не хватало солдат, что для выполнения некоторых «легких» служебных обязанностей привлекали даже студентов Трансильванского университета, бежавших в столицу.

Многие оказавшиеся в Будапеште подразделения всеми силами старались избегать боев. Докладывая о численности личного состава и наличии оружия и боеприпасов, они намеренно скрывали настоящие цифры. При получении продовольствия через венгерский I армейский корпус они преувеличивали количество солдат, в то время как в докладах немецкой стороне преуменьшали его. 14 января 1945 г. в штаб корпуса доложили, что общая численность личного состава 10-й пехотной и 12-й резервной дивизий составляла всего 300 солдат, в то время как на тот момент только в 10-й дивизии на довольствии стояло не менее 3500 солдат и офицеров. Обычно боевой состав дивизии включает в себя все имеющиеся в ней пехотные части, не считая артиллеристов, водителей, связистов, саперов и солдат дивизионного штаба; эта цифра составляет 50–60 процентов от всех, стоящих на котловом довольствии, то есть тех, кто одет в военную форму. В данном случае, как ни странно, никто из командования корпуса, похоже, не имел представления о том, что в боевых подразделениях не насчитывается и 10 процентов той численности, что подается для получения продовольствия.

Обычно потери в боевых частях и подразделениях выше, чем у остальных. При отсутствии регулярного пополнения эти части должны пополняться за счет подразделений обслуживания и обеспечения. В немецкой армии тыловые подразделения постоянно «прореживались» с этой целью, однако в венгерской армии такие случаи были редкими. Вполне может быть, что в 10-й пехотной дивизии численность боевых частей сократилась до 200–300 человек, в то время как подавляющее большинство ее солдат даже не ходили в бой. И это неудивительно, потому что к тому времени венгерское военное командование уже твердо считало продолжение борьбы бессмысленным занятием.

В день Рождества 1944 г. на котловом довольствии венгерских войск, оборонявших Будапешт, насчитывалось 55 100 человек, в то время как численность боевых частей состав-

ляла всего 15 050 солдат. Это значит, что при общей численности солдат, достаточной для укомплектования двух (четырех. – *Ред.*) венгерских дивизий (60 тысяч), боевой состав венгерских войск был эквивалентен одной дивизии (15 тысяч). В то время как 15 050 венгерских солдат в боевых подразделениях составляли около 30 процентов всех боевых подразделений, оборонявших Будапешт, доля артиллерии в них была значительно выше: примерно 60 процентов орудий принадлежали венгерским частям. Но не вся артиллерия участвовала в боях: так, например, 4/2 батарея после 30 декабря не сделала ни одного выстрела, несмотря на то что имела четыре орудия, достаточное количество боеприпасов и полный штат артиллерийских наводчиков. Кроме того, потери в технике и людях в венгерских частях были выше, чем у немцев.

На боевую ценность венгерских подразделений в Будапештском котле значительно повлиял и тот факт, что примерно 50 процентов штатной численности солдат не прошли подготовки к пехотному бою, а 16 процентов вообще были призваны уже во время осады. Последние составили до 30 процентов в общей численности боевых подразделений венгерских войск (составлявшей 15 тысяч человек) или примерно 40 процентов из всего списочного состава 38 100 человек (см. табл. 8, с. 428). Значительная часть из тех подразделений, что вообще не принимали участия в боях, приходится на отряды вспомогательных сил КИШКА, многочисленные полицейские подразделения и учащиеся военно-учебных заведений – всего около 17 тысяч человек. Последние могли бы принести значительную пользу на поле боя только в том случае, если бы их можно было оснастить тяжелой техникой и научить ею пользоваться. Но даже тогда большинство было готово при первой же возможности прекратить сопротивление. Ко второму году войны рядовой состав перестал понимать, за что его заставляют сражаться. После провала попытки Хорти объявить о перемирии 15 октября 1944 г. боевая ценность венгерских войск упала еще ниже по сравнению с тем, что было прежде. За исключением отдельных частей и подразделений, они почти не оказывали сопротивления противнику и удерживали позиции только в том случае, когда их поддерживали или принуждали к этому немецкие союзники.

К упомянутым выше небоевым формированиям относятся и так называемые отряды КИШКА, созданные взамен Национальной гвардии. Распоряжение о формировании отрядов Национальной гвардии датировано 25 сентября 1944 г. Отряды формировались в основном за счет мужчин-добровольцев и мобилизованных, непригодных к несению действительной военной службы и выполнявших обязанности в интересах службы безопасности, а также задействованных для охранной и патрульной службы. Эти люди получали продовольствие и денежное содержание, носили мундиры или гражданскую одежду с нарукавными повязками и вооружались оружием, реквизированным у гражданского населения. Они подчинялись главам соответствующих военизированных отрядов и выполняли задачи на соответствующих территориях приписки. 3 декабря распоряжением правительства Салаши Национальная гвардия была распущена, в связи с тем что организацию наводнили дезертиры, преступники, бойцы сопротивления и другие нежелательные элементы. Сменившие Национальную гвардию отряды КИШКА стали неотъемлемой частью венгерской армии. Общая численность этих отрядов составляла до 7 тысяч человек. Как правило, в каждом из районов города был создан один батальон КИШКА, однако университеты и некоторые другие учреждения имели отдельные подразделения. 6 января 1945 г., когда выяснилось, что и формирования КИШКА были ненадежны, они были распущены.

Полицейские боевые группы также были созданы из числа людей, изначально не имевших отношения к армии. Несмотря на то что во время окружения общая списочная численность таких групп составляла до 7 тысяч человек, а официальный боевой состав – 1630 человек, их боевая ценность была минимальна в связи с недостаточной подготовкой и вооружением. Силы полиции пытались действовать самостоятельно, однако эта деятельность

была пресечена в течение нескольких часов с большими для них потерями: было убито и тяжело ранено до 50 процентов личного состава.

Исключением из правил являлась штурмовая артиллерия. Несмотря на то что ее подразделения были вооружены в основном только стрелковым оружием, из-за высокой мотивации ее боевая эффективность оказалась довольно высокой. В январе 1945 г. сюда все еще продолжался приток добровольцев из числа молодых членов военизированных организаций, учащихся военных училищ и академий и солдат, потерявших свои подразделения. Все это происходило потому, что здесь новобранцев лучше кормили, с ними более гуманно обращались, а на случай полицейских проверок им выдавались документы, удостоверяющие личность. В ноябре 1944 г. капитан Шандор Ганак привел сюда с собой сводную мотопехотную роту, а в начале декабря командир 3-й батареи штурмовых орудий первый лейтенант Тибор Ратц со своим подразделением участвовал в атаке 10-го дивизиона штурмовой артиллерии в районе Барачка, так как полагал, что на прежних позициях его пушки были не нужны.

В то же время многие из солдат венгерских регулярных дивизий совершенно не желали воевать. Здесь характерным является пример 1-й танковой дивизии, списочная численность личного состава которой на начало декабря составляла 14 тысяч человек. Однако в докладах немецким союзникам сообщалась цифра 2038 человек. К концу декабря в дивизии произошло 80 случаев дезертирства, но никакого расследования проведено не было. Штаб и примерно 600 новобранцев 6-го пехотного полка 10-й пехотной дивизии (двухбатальонного состава) начиная с 24 декабря и до конца осады не воевали совсем, а 10-й разведывательный батальон так и оставался «подразделением-призраком», о существовании которого немцев так и не проинформировали. Большинство частей и подразделений вели двойную отчетность по личному составу и вооружению (! – *Ред.*). Еще в ноябре три полковника и пять подполковников 12-й резервной дивизии были отстранены от командования и отданы под суд, а к концу декабря в ее батальонах числилось лишь по 30–40 солдат и офицеров.

Довольно странно, но ни немецкое, ни венгерское командование не делало никаких попыток изменить существующее положение вещей и принимало рапорта в том виде, в каком они поступали, хотя наверняка должны были знать, что эти донесения были фальшивками. Лейтенант Йозеф Биро, занимавший должность адъютанта в дивизии, писал в своих воспоминаниях:

«Немцы были удовлетворены чисто символическими действиями трех наших батальонов и даже выступили на защиту командира 1-го батальона 18-го полка, отступившего без приказа, о чем их поставили в известность представители партии «Скрещенные стрелы». Многие представители высшего командного звена выполняли лишь повседневные административные обязанности, поскольку были заинтересованы в основном лишь в том, чтобы минимизировать потери или, попросту говоря, выжить в войне».

Немецкие военные власти не упускали любой возможности, чтобы переложить вину за поражения на венгерскую сторону. Из их донесений следует, что вся тяжесть за оборону Будапешта легла на плечи немцев. Они неоднократно упоминали о случаях дезертирства в венгерской армии, забывая о том, что такие случаи были и у них, пусть и в меньших количествах. В свою очередь некоторые венгерские офицеры в своих мемуарах заявляли, что дезертирство, по крайней мере отчасти, было обусловлено высокомерным поведением немцев, подчиненным положением венгерских войск, а также практическим устранением от командования высшего венгерского офицерства. К концу декабря многие венгерские подразделения были раздроблены до ротного звена, а иногда и до более мелких штатных структур, которые были подчинены немецкому командованию, хотя в некоторых случаях остатки венгерских подразделений (в основном офицеры) и даже гражданские лица добровольно вливались в немецкие части и подразделения.

Советские данные о случаях дезертирства в венгерской армии также не дают верной картины. Это вызвано тем, что по политическим причинам советская сторона была склонна выдавать военнопленных за добровольно совершивших дезертирство. Советские данные о численности войск противника также не вызывают доверия. По документам советских архивов, потери оборонявшихся в Пеште составили 35 840 человек убитыми, 291 танков и штурмовых орудий, 1419 артиллерийских орудий и 222 гусеничных бронетранспортера. Фактически в распоряжении оборонявшихся не было такого количества боевой техники даже во всем котле. А если добавить к этому вымышленному числу убитых еще 25 тысяч военнопленных, якобы взятых Красной армией в одном только Пеште, эти данные покажутся еще менее достоверными. (В боях за Пешт помимо убитых в плен было взято до 63 тыс. солдат и офицеров противника. Техника также подсчитывалась по мере захвата, в том числе и та, которая после ремонта выходила из ворот будапештских заводов, то есть первоначально не числилась. – *Ред.*)

В период рождественских праздников немецкие и венгерские солдаты в Будапеште имели на вооружении относительно большое количество артиллерии (примерно 500 орудий у тех и других вместе), танков и штурмовых орудий (около 220 единиц). В целом оснащенность, подготовка и моральный дух в немецких войсках были выше, чем у венгерских союзников. Однако и у них были свои проблемы. Самой большой из них была нехватка пехоты. Общая численность немецких войск составляла примерно 42 тысячи человек; при этом сюда в основном относятся кавалерийские, артиллерийские и танковые части и подразделения (см. табл. 9, с. 430). Из четырех мотопехотных батальонов моторизованной дивизии «Фельдхернхалле» один находился вне Будапешта, а общая численность трех остальных едва ли превышала 500 солдат и офицеров. Один из мотопехотных батальонов 13-й моторизованной дивизии также остался за пределами кольца окружения.

Боевая ценность немецких войск тоже не была однородной. Самой высокой она была у солдат – уроженцев рейха, принадлежавших к соединениям частям с большими традициями. Одним из таких соединений была 13-я моторизованная дивизия, более чем 20 военнослужащих которой были награждены Рыцарским крестом, а трое получили к нему дубовые листья. Сюда же можно отнести и 8-ю кавалерийскую дивизию СС и моторизованную дивизию «Фельдхернхалле», которая первоначально комплектовалась членами СА и, несмотря на то что к 1944 г. уже трижды была разгромлена (в первый раз – по Сталинградом), каждый раз воссоздавалась за счет новых призывников. Ценность еще примерно 10 тысяч немецких солдат была незначительной в связи с недостаточной подготовкой и нехваткой вооружений. Самым слабым соединением была 22-я кавалерийская дивизия СС («Мария-Терезия»), в состав которой входили этнические немцы (уроженцы Венгрии), некоторые из которых едва могли говорить на «родном» языке. Здесь имели место наиболее многочисленные случаи дезертирства.

Подразделения СС укомплектовывались представителями самых разных национальностей. Помимо этнических немцев, там служили эльзасцы из Франции, венгры, сербы, словаки и румыны, добровольцы-финны, фламандцы, шведы и испанцы (а также датчане, норвежцы, собственно французы, кроме того, хорваты, боснийцы-мусульмане, албанцы и др. Первоначально называлась 60-й моторизованной дивизией (с октября 1940 г.). С июля 1941 г. на советско-германском фронте. В начале февраля 1943 г. уничтожена под Сталинградом. В марте 1943 г. восстановлена на Западе. 14 июня переименована в мд «Фельдхернхалле», с января 1944 г. снова на Востоке, где в июле снова уничтожена в группе армий «Центр». В августе 1944 г. снова восстановлена, с октября снова на советско-германском фронте. – *Ред.*). В состав дивизий СС входили и вспомогательные войска, укомплектованные русскими, украинцами, татарами и представителями других народов. В одном из артиллерийских подразделений служили в основном поляки; некоторые из них носили польские мун-

диры с немецкими знаками различия. В начале ноября 22-я кавалерийская дивизия СС была полностью деморализована, а набранные на территории Венгрии ее 1, 6 и 8-й полицейские полки были абсолютно ненадежны. За позициями 8-го полицейского полка на Шольтском плацдарме были развернуты пулеметы, и пулеметчики получили приказ открывать огонь при малейших попытках дезертировать с занимаемых позиций. В последние дни осады военнослужащие 22-й кавалерийской дивизии даже пытались поднять мятеж против своих командиров. Основной причиной низкого морального духа в этом соединении было то, что большинство этих солдат СС было набрано на территории Венгрии и преобладающая их часть не испытывала симпатий по отношению к Германии. Весной 1944 г. венгерское правительство дало согласие предоставить всех годных к военной службе этнических немцев в распоряжение СС, несмотря на то что большинство из них выразило желание служить в венгерской армии. Меньшинство, те, кто считал своей настоящей родиной нацистскую Германию, уже успели добровольно вступить в СС в 1941 и 1942 гг. И к 1944 г. пришлось пройти частым гребнем по поселениям этнических немцев в Венгрии, чтобы найти хоть кого-то, кто был годен для службы в СС.

Разгоревшаяся на Восточном фронте идеологическая война имела катастрофические последствия для многих немецких солдат, которые пытались избежать горького конца не только из чувства долга и верности, но и оттого, что они ожидали от Советов самого худшего. Каждая из сторон рисовала своих противников садистами и преступниками, которых следовало уничтожать. После 1943 г. нацисты попытались несколько изменить прежний взгляд на вещи, но советская пропаганда продолжала все так же не делать различий между нацистской политической системой и самим немецким народом. Именно поэтому даже те немецкие части, моральный дух которых был подорван, предпочитали продолжать сражаться, не сдаваясь в плен. Многие, в особенности солдаты СС, а также русские и украинские солдаты вспомогательных войск (и боевых частей. – *Ред.*), предпочитали плену самоубийство. Многие для этого специально откладывали последний патрон своего автомата.

Для немецкого и венгерского командования большой сложностью являлось снабжение войск. Будапешт был крепостью только на бумаге, и в последние месяцы никто здесь не озаботился созданием дополнительных запасов продовольствия. Многие из существующих складов продовольствия и военного имущества оказались за пределами кольца блокад, во внешних районах Буды, и поэтому попали в руки советских войск в период их наступления 24–26 декабря. После рождественских праздников, совершив акт намеренного саботажа, квартирмейстер венгерского I армейского корпуса капитан Дезе Немет перебросил венгерские военные склады в места, где их вскоре захватили советские солдаты. Когда сомкнулось кольцо окружения, у обороняющейся стороны осталось 450 т боеприпасов, 120 кубических метров горючего и 300 тысяч пайков – количество достаточное для ведения пяти дней боев.

Немецкое и венгерское командование не могло и помыслить о том, что им придется кормить гражданское население. Минимальное расчетное количество продовольствия и боеприпасов, необходимое окруженным войскам, составляло 80 т в сутки. Из-за ограниченной возможности аэродромов 20 т планировалось сбрасывать на парашютах, а остальное доставлять транспортными самолетами «Юнкерс-52» и планерами. На ипподроме, спортивном аэродроме в северной части острова Чепель, там, где сейчас расположен Народный стадион, учебном плацу Кишракош в Пеште, парках Табан и Вермезё в Буде были оборудованы дополнительные полосы приземления и точки сброса грузов на парашютах. Более крупные столичные аэродромы уже были захвачены советскими войсками: Будаэрш 25 декабря, Ферихедь (ныне аэропорт имени Ференца Листа. – *Ред.*) – 27 декабря и Матиашфёльд – 30 декабря.

Первая воздушная поставка была осуществлена 29 декабря 1944 г. Ее выполнила эскадра самолетов немецкого 4-го воздушного флота, осуществлявших снабжение групп-

ровки в Будапеште под командованием генерал-лейтенанта Герхарда Конрада, которая была создана в тот же день. В составе эскадры было примерно 200 самолетов различных типов. В среднем летчики совершали примерно 61 вылет в день, из которых успешными было примерно сорок девять. До тех пор, пока в середине января не был захвачен ипподром, были дни, когда самолеты эскадры совершали по девяти до три успешных посадки. Самые тяжелые потери были среди планеров. 32 из 73 машин типа DFS-230 так и не сумели достичь Будапешта, а оставшиеся или разрушились при посадке, или приземлились не там, где должны были сесть. Планеры пилотировали члены Национал-социалистического корпуса пилотов (NSFK) в возрасте от 16 до 18 лет. Каждый из них добровольно вызвался участвовать в полетах из-за юношеской бравады.

Из необходимой дневной нормы удавалось ежедневно доставлять в город в среднем по 47 т грузов. Несмотря на то что 86 процентов грузов приходилось на долю боеприпасов, уже в первую неделю осады немецкая тяжелая артиллерия была выведена со сцены. Поскольку в городе нечем было кормить лошадей, последние (примерно 25 тысяч) сами стали пищей для людей. В январе немцы все еще заботливо охраняли примерно дюжину свиней, предназначенных для представителей командования и его окружения, которых держали в южной части крепости в Буде. Старший ротный унтер-офицер 12-й дивизии резерва вспоминает:

«Самым опасным и в то же время самым успешным предприятием в моей жизни было то, что случилось в одну из ночей, когда для того, чтобы накормить своих голодных солдат, мне удалось с помощью нескольких подчиненных украсть у немцев свинью». К концу января все магазины в центре города опустели. Единственной едой осталась морковь, которую прежде держали как корм для скота, и конина. Но даже этих продуктов было так мало, что в последние недели осады большинство солдат голодало.

Всего в город по воздуху было доставлено 1975 т грузов, из них 417 т – венгерскими летчиками. Парашюты, на которых сбрасывали боеприпасы, окрашивались в красный цвет, а те, на которых сбрасывалось продовольствие, были белыми. В последнюю неделю осады под прикрытием темноты на город было сброшено сразу несколько тысяч контейнеров с грузами, но солдатам оборонявшейся стороны досталось лишь небольшое количество из них. Часть грузов воздушным потоком отнесло прямо к позициям советских войск, поиски других невозможно было начать до наступления утра, а к этому времени гражданское население успело разворовать практически все сброшенные продукты, несмотря на угрозу сурового наказания. Содержимое оставшихся контейнеров, которые были благополучно обнаружены, не смогли распределить по боевым частям из-за нехватки горючего и непрекращавшихся обстрелов и бомбежек. Иногда в контейнерах находились совсем неожиданные вещи, например Железные кресты или желтые флажки, которыми обозначались неразорвавшиеся мины. Предназначенный для Пфедфера-Вильденбруха Рыцарский крест пришлось сбрасывать на парашюте трижды, прежде чем награда была доставлена тому, кому она предназначалась.

СОВЕТСКИЕ И РУМЫНСКИЕ ВОЙСКА

Качество советских и румынских войск тоже не было одинаковым. Некоторые части были просто первоклассными, укомплектованность и моральный дух в других (румынских. – *Ред.*) были не лучше, чем в самых слабых подразделениях венгерской армии.

Советское Верховное командование всегда заботилось о доукомплектовании дивизий на направлениях главного удара, однако соединения на второстепенных направлениях редко могли рассчитывать на это. Танковые, механизированные и кавалерийские корпуса всегда получали пополнение из хорошо подготовленных физически и морально новобранцев, остальным доставались дети и старики, набранные отовсюду без всякого разбора (совсем молодые, 17–18-летние, и немолодые, к концу войны даже 45–50-летние, но не старики и почти дети, как в немецком фольксштурме весной 1945-го. – *Ред.*). Мужское население на освобожденных советских территориях подлежало немедленному насильственному призыву в армию. По данным немецкой разведки, от 40 до 70 процентов личного состава, прибывшего для пополнения 15 советских дивизий перед фронтом немецкой группы армий «Юг», были призваны на освобожденных (Красной армией) территориях. Солдат, освобожденных из лагерей для военнопленных на территории Румынии, направляли обратно в строй, не дав им толком отдохнуть. Так, из 960 пленных, захваченных солдатами венгерской 1-й танковой дивизии в боях в ноябре – декабре 1944 г., только сто шестьдесят были «первоходками». Четыреста уже успели один раз побывать в плену, а еще четыреста прежде были захвачены в плен уже дважды. Советское командование направило большое количество советских войск и техники для усиления румынского 7-го армейского корпуса, поскольку не верило в стойкость и оснащение румын. Большинство татар, эстонцев, латышей и представителей кавказских народов тоже не испытывали энтузиазма от участия в войне. Особенно низким был моральный дух молдаван и украинцев. (Только у определенной части призывников из западных областей Украины. – *Ред.*) В некоторых частях перед началом наступления несколько солдат выводили из строя и расстреливали за якобы проявленную «трусость». Менее серьезные преступления карались десятью годами принудительных работ, которые заменялись тремя месяцами службы в штрафных ротах, где шансы на выживание были очень призрачными. Для того чтобы повысить моральный дух солдат перед наступлением, советские командиры зачастую выдавали тем большое количество алкоголя (не более 100 г водки. – *Ред.*), а за боевыми порядками ставили вооруженные кордоны, которые должны были не допустить бегства подчиненных с поля боя. Неоднократно после неудачной атаки были отмечены случаи, когда они отдавали приказ открывать огонь тяжелых орудий по собственной отступающей пехоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.